

ИЗ-ПОД
ПАЛОЧКИ

Юлия Жукова

Замуж с осложнениями

Юлия Жукова

Из-под палочки

«Автор»

2023

Жукова Ю.

Из-под палочки / Ю. Жукова — «Автор», 2023 — (Замуж с осложнениями)

Алиса меньше всего на свете хочет пускать в свою жизнь кого-то нового, там и на неё-то места не хватает. Эндан совершенно точно не хочет связываться с земной женщиной, это будет катастрофой. Им обоим не занимать терпения, особенно по отношению к собственным тараканам. Но на любую чашу найдётся последняя капля.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Юлия Жукова

Из-под палочки

Глава 1

Проклятый телефон звонил и звонил, а Алиса никак не могла найти его в рюкзаке. В конце концов её терпение лопнуло, и она перевернула рюкзак вверх дном, как следует встряхнув. Вещи рассыпались по тротуару, раскатились от газона до бордюра. Телефон упал экраном вниз, и защитное стекло, конечно же, треснуло.

Алиса собиралась рявкнуть в трубку так, чтобы собеседник больше никогда даже не подумал в сторону того, чтобы ей позвонить, но, конечно, это был папа.

– Да, папочка, – елеиным голосом сказала Алиса, стоя посреди улицы в центре взрыва своего рюкзака.

– У Маркуса семейные дела на следующей неделе, – как обычно, не здороваясь, сообщил отец, и у Алисы всё оборвалось. – Выйдешь за него.

– Но, папочка, у нас гастроли на Гарнете, – заныла Алиса.

– Значит, за тебя кто-то выйдет, – раздражённо ответил отец. – Что ты мне каждый раз эту шарманку заводишь, как первый? Тебя заменить нетрудно, не ради тебя люди на концерты идут.

И повесил трубку.

Алиса опустила телефон от уха и, не глядя, принялась набирать сообщение директору оркестра, что на следующей неделе не сможет со всеми ехать на Гарнет. Нико порадуется – он запасная скрипка. Он очень хотел поехать. Алиса тоже хотела.

От сообщения её отвлекло какое-то шевеление на тротуаре.

– У вас всё хорошо? Давайте помогу.

Незнакомый молодой человек присел на корточки и принялся собирать Алисины вещи обратно в рюкзак.

– Не надо, – выдавила она, с трудом сдерживаясь, чтобы не захватить заботливому мужчине с ноги под челюсть.

– Да мне нетрудно, – не понял её непрошенный помощник и лучезарно улыбнулся ровными белыми зубами. – Такой милой девушке грех не помочь.

Алису пробрало холодом. Ещё и флиртует, гад. Алиса ненавидела, когда вызывала интерес у мужчин. С её ростом было сложно не привлекать внимания, но она очень старалась: огромные мешковатые свитера, треники с вытянутыми коленками, убитые кроссовки... Что угодно, лишь бы не показаться какому-нибудь придурку желанной. Она не хотела вступать в отношения. Никогда. Ни с кем. Это бы значило впустить кого-то в свой маленький мирок, в котором и так катастрофически не хватало времени и места на себя, не говоря уже о нервах. Какого дьявола этот хмырь думает, что Алиса готова ради его улыбки жертвовать куском своей жизни? Что он о себе возомнил?

Она оглядела рассыпанные вещи, игнорируя молодого человека, как будто он был голосовым помощником в каком-нибудь терминале. Первым порывом её было просто развернуться и уйти, оставив всё этой сволочи, и пусть думает, что хочет. Алисе не очень-то нравилась мысль потом прикасаться к вещам после его рук. Но, с другой стороны... Вон наушники дорогие, вон сувенирное саше, хоть внутри дребедень, но саше она привезла с Эспаги, а все вещественные доказательства своих поездок Алиса берегла, как зеницу ока. Напоминания, что она где-то бывала, что мир не состоял из дома и зала для репетиций.

Нет, ладно, притворимся адекватными и не будем совершать неоправданно драматичных поступков. Этот день и так уже плох на все сто, незачем ещё и терять ценности. Алиса подняла ногу и аккуратно поддела мыском кеда кейс с наушниками, которые мужчина уже собирался взять. Лёгкий пинок – и кейс улетел на газон. Мужчина странно глянул на Алису, но тут же потянулся к пачке салфеток. Её Алиса отправила на газон ещё быстрее.

– Леди настроена поиграть? – неуверенно улыбнулся молодой человек. – Но я не собачка... – его улыбка стала увереннее, вероятно, идея хорошая пришла. – Раззадорите волка, что делать будете?

Алиса дала пинка саше и примерилась к связке ключей, всё ещё игнорируя мужчину, как будто его тут не было. Ну что он, не видит, что она не улыбается? У него не возникает чувства, что что-то не так и он связался с неадекватной? Ну давай уже, давай, пугайся и уходи.

Ключи летали не так хорошо, как наушники, а скорее, ползали, и пока Алиса примеривалась второй раз, мужчина успел до них дотянуться. Тогда Алиса наступила ему на пальцы. Конечно не всем весом навалилась, а то можно было бы и расплющить. Телосложение у Алисы было обычное, зато роста сильно больше нормы, особенно для азиатки. Ну, внешне азиатки. Мама Алисы ещё говорила на японском как на родном, а Алисе уже пришлось на курсах учиться, да и культура исторической родины интересовала её только очень узкими сегментами.

Мужчина выдернул руку и встал, растеряв свои улыбки.

– Если помощь не нужна, так бы и сказали! – выпалил он, разминая отдавленные пальцы. Алиса с интересом наблюдала, как он справляется с растерянностью через агрессию. Её саму немного отпустило после лёгкого членовредительства. Не пинком под челюсть, конечно, но лучше, чем молча стерпеть.

– Я и сказала, – напомнила она. – Я сказала “не надо”.

– У вас всё хорошо? – донёсся сбоку озабоченный голос. Ещё один помощничек. Алиса закатила глаза. Наверняка она теперь с этим непрошеным добровольцем выглядят, как семейная пара посреди ссоры.

– Не лезь к ней, она психованная, – буркнул отдавленный и оттёр нового прохожего плечом, покидая место происшествия.

– Давайте помогу всё поднять, – предложил тот, не вняв предупреждению.

– Не надо! – рявкнула Алиса и демонстративно перевернула рюкзак, вытрясая из него всё то, что первый мужчина успел туда сложить.

На сей раз вышло доходчивее. Пробормотав: “О, ну, как скажете,” прохожий ретировался. Алиса села на корточки и стала методично складывать своё барахло по правильным отделениям. Вот сегодня с утра собиралась наспех, потому и телефон не могла найти. Хотя, как теперь оказалось, спешить было незачем. Она пыталась переделать все дела до отъезда, но теперь отъезда не будет...

Дома она первым делом с ненавистью засунула в чехол скрипку, которую бросила на кровать перед уходом. Чехол отравила в шкаф – с глаз долой. Вся утренняя репетиция, значит, намарку, она же репетировала то, что играл оркестр Томислава, а теперь надо то, что будет играть папин. Впрочем, папа редко обновлял репертуар, так что, скорее всего, она уже всё знала, да и с ребятами сыгралась давно. Далеко не первый раз папа выгонял её заменять одну из своих скрипок, хотя Алиса не числилась в его оркестре и даже денег не получала за эти замены. Хорошо хоть, билеты и гостиницы на гастролях ей оплачивали, хотя папа всегда ужасно раздражался, оформляя эти расходы: их приходилось проводить как-то хитро, Алиса ведь не была в штате.

Она постаралась запихнуть разочарование куда подальше: делу этим не поможешь, а провести остаток выходного в дурном настроении было бы ещё обиднее. Нет, надо было выгрузить из рюкзака всю купленную тесьму и прочие мелочи и засесть уже за костюм для Гвайва. Алиса подошла к полке с куклами, чувствуя, как весь дневной негатив отпускает её под взглядами

дожины богически красивых шарнирных мужиков. Гвайв – новенький, персонаж комикса, в который Алиса залипала уже больше года, приехал к ней только на прошлой неделе. Фирменный костюм Алисе не понравился ещё на фото – сюртук как-то топорщился, на сапогах пряжки без детализации, короче, халтура. Так что она решила сшить свой. В итоге бедняжка сидел сейчас в кальсонах и шёлковой рубашке с кружевными манжетами.

На другой полке, чуть поодаль, в очень натуралистичном маленьком кресле у маленького электрического камина сидел брат. Тело Алиса в своё время заказала, где обычно, а голову лепила сама, потом заказывала отливку в правильном пластике, чтобы кожа была гладкой и чуть прозрачной, для живости. Сажать брата с мужиками из комиксов ей казалось неуместным, поэтому она обставила для него на полке отдельную комнатку.

Осторожно просунув руку среди кукольной мебели, Алиса двумя пальцами взяла брата за руку.

– Я бы тебе позвонила сейчас пожаловаться, – прошептала она. – А ты бы мне сказал: вали оттуда. А я бы ответила, что не могу и некуда. А ты бы предложил пожить у тебя, пока не встану на ноги, и ещё сказал бы, что я взрослая девочка. А я, я вообще ни разу не взрослая. Мужик у какому-то сегодня пальцы отдала вместо того, чтобы ртом поговорить. Я же неадекватная, да?

Она всхлипнула и аккуратно вытащила руку из комнатки. Кукольный брат блаженно улыбался. Алиса на самом деле не помнила на его лице такого выражения, но делать его хмурым, как обычно, тогда не хотелось. Пусть лучше улыбается, авось, ему теперь радостней там, где он есть.

Потому что в жизни Алисы его давно не было. Брат родился с потрясающе красивым голосом, который не испортился, даже когда сломался. Единственные разы, когда Алиса видела на лице вечно недовольного отца выражение абсолютного счастья, – это когда он слушал Витькино пение. Для папы этот талант был словно свидетельством признания его заслуг на небесах. Он сам считал себя гениальным дирижёром, и тут такой дар судьбы – хрустально переливающийся, журчащий и струящийся голос у сына. Даже то, что дочь не удалась толком – посредственный слух, недостаток рвения, середнячковые навыки со скрипкой – не могло поколебать уверенность Константина Романова в своей исключительности.

Поколебал его только сам Витька, когда в двадцать лет заявил, что не намерен связывать свою жизнь с музыкой, клал болт на отцовские ожидания и вообще он больше не Виктор Романов, а Шинскэ Юмэда. Шинскэ – потому что узнал, что мама хотела его так назвать, пока папа не решил всё за неё, а Юмэда он писал иероглифами “поле чудес”. Поле чудес в стране дураков.

В общем, сначала Витька перестал быть певцом, связав вместо этого свою жизнь с межпланетной полицией, потом он перестал быть Витькой, а потом... просто перестал быть. Ехал как-то раз домой с работы и не доехал. А если учесть, что он к тому времени уже был крупной шишкой в комитете безопасности ЗС, то надежд, что он просто свалил помедитировать где-нибудь среди водопадов, не было с самого начала. Вот так в несколько этапов Алиса из второсортного ребёнка превратилась в единственного, а её шансы по-тихому эмигрировать в другую галактику, пока папа занят братом, сошли на нет.

– Дай мне чудо со своего поля, – попросила Алиса. – Я нечасто прошу. Ну пожалуйста. Можно небольшое. Просто мне бы хоть разок съездить куда-нибудь, что-нибудь посмотреть... Живу тут, как прикованная за ногу.

Как всегда с куклами, ей показалось, что выражение лица брата изменилось, вроде как он прищурил глаза и усмехнулся. Если бы кто спросил, Алиса бы, конечно, со всей уверенностью сказала, что куклы не живые, она в них просто играет. Но наедине с собой иногда так хотелось поверить...

Ладно, хорош тратить время на надуманные мистические ритуалы. Надо брать Гвайва, шить сюртук, а потом, глядишь, останется пара часов поковырять тот скрипт, что вчера начала.

Помимо кукол Алиса уже много лет понемножку училась программировать, даже разок выиграла какой-то конкурс с денежным призом. Фигня, конечно, но приятно, и ей хотелось бы заниматься этим больше, но... скрипка сама на себе не сыграет. А папе дочь-программистка нужна ещё меньше, чем дочь – посредственная скрипачка.

Алиса разбудила бук, чтобы включить себе под шитьё какое-нибудь бубнилово, но заметила в углу экрана уведомление и тут же кинулась читать. Писала Лиза. Лиза, которая когда-то была лучшей подругой брата, настолько лучшей, что он называл её сестрой, а с настоящей сестрой мог месяцами не общаться, потому что Алиса осталась дома, а он свалил... В общем, вот та Лиза. Последний раз Алиса пересекалась с ней, когда Шинскэ исчез. Лиза тогда встречалась с каким-то ушлёпком, который братцу сильно не нравился, так что они очень мало общались последние годы. Алису новость совершенно оглушила, она едва-едва достаточно соображала, чтобы входить в двери, а не сквозь стенку, и Лиза водила её по головному офису ЗС – получить какие-то бумажки, выслушать какие-то речи и заверения каких-то чиновников. Мама тогда слегла и не могла присутствовать, а папа... У папы был концерт.

Так вот, Лиза... Алиса пробежала глазами письмо – Лиза приглашала её оркестр на гастроли. То есть тот, в котором Алиса официально работала, а не папин. Про папин было специально отдельно написано, чтобы ни в коем случае. Папу Лиза вообще на дух не переносила. Алиса вздохнула: конечно, она бы хотела со своим оркестром поехать на Муданг, вот только стоит ей намылиться куда-то поехать, и тут же папе требуется замена на втором пульте. Она уже на все мессенджеры трёхфазную аутентификацию поставила, вроде не может он читать...

Подтянув поближе клавиатуру, Алиса принялась объяснять бывшей сестре, почему оркестр она сможет получить только без Алисы.

Министр иностранных дел Муданга поставил последнюю галочку в списке задач на сегодня и сладко потянулся в кресле. Должность у него звучала громко, но в реальности он больше занимался организацией контактов Императора с другими планетами, а уж Император вёл свои иностранные дела сам. Конечно, по работе приходилось много ездить, но и на родном Муданге дел хватало: выдача виз бесконечным иностранным специалистам в самых разных областях, последнее время туристы ещё пошли, а Ахмад-хон стал просить всяких артистов приглашать, Старейшина Унгуц ещё жаждал круглых столов на культурные и литературные темы... В общем, вот этим всем его министерство и занималось.

– Эндан? – дверь приоткрылась после номинального стука, и в щель просунулась светлая кудрявая голова Лизы, то бишь Хотон-хон, жены Императора. – Есть минутка?

– Для вас всегда, – улыбнулся Эндан. – Вас Ахмад-хон на правах посыльного отправил?

– А, нет, – усмехнулась она, входя целиком и закрывая дверь. – Я сама хочу тебе задачку подкинуть, не от мужа. Смотри, – она уселась в посетительское кресло и вывела на стол-экран сайт какого-то земного оркестра, судя по фото вверху с торчащими смычками. – Это неплохие ребята, играют классику и немножко новинок на свой вкус, прямо как Азамат любит. Хочу ему на день рождения подарок сделать, пригласить их.

– Хорошо, – Эндан кивнул, подтягивая к себе окно с контактными данными. – У Ахмад-хона день рождения где-то через два месяца, если не ошибаюсь?

Хотон-хон покачала головой: в той никак не укладывалось, что на Муданге годовщину появления на свет не отмечают, а потому друзья и близкие запросто могут её не помнить. От своего ближайшего окружения она требовала, чтобы ставили напоминания, но Эндан, к своему счастью, в это самое окружение не входил.

– Я уточню по документам, – примирительно сказал он. – Какие-то пожелания по программе будут?

– Баха пускай сыграют и Пярта, – кивнула Хотон-хон. – Муж это любит. Ну и для контраста что-то повеселее. Но это ещё не всё, есть одна проблемка.

– Слушаю, – Эндан нахмурился. Если бы у кого-то в оркестре были судимости, долги или непереносимость большей части муданжских продуктов, это Хотон-хон бы проблемой не назвала, ибо считала, что за то Эндану жалованье и платят, чтобы такое разруливал.

– Там девочка работает, Алиса Романова, я её знаю и хотела бы увидеть. Но у неё папаня долбанутый на все деньги, – пояснила эта прекрасная высокообразованная женщина. Эндан уже давно научился не морщиться. Ахмад-хон же терпит, а он с ней по полсуток в одном помещении проводит. – Он каким-то образом узнаёт, когда её оркестр куда-то едет, и тут же заставляет её брать отпуск за свой счёт. Думаю, у него информатор есть там. Короче говоря, надо на эти даты папаню чем-нибудь так занять, чтобы ему стало ни до чего.

– Н-например? – с подозрением переспросил Эндан.

– Это уж тебе виднее, – усмехнулась страшная женщина. И ведь не откажешь... – Он сам дирижёр в оркестре. Может, его куда-нибудь отправить... на гастроли... на подольше?

– Понятно, – вздохнул Эндан и стал смотреть, куда в ближайшее время собрался ехать на гастроли некто Константин Романов и согласится ли эта держава задержать ему обратный выезд по какому-нибудь подозрению. Было бы легче, если бы Эндан мог с первого раза выговорить имя дирижёра. Ох уж эти земляне, в каком месте у них язык растёт... – Хорошо, будет сделано.

– Ты зайка, – Хотон-хон широко, не по-женски улыбнулась, сверкая зубами мудрости, и покинула кабинет.

Эндан пролистнул вывод поиска и наткнулся взглядом на фотографию Алисы Романовой. Рыжая, монголоидная, со злым взглядом и большими руками. Сглотнул. Нет, её внешность не имела для него никакого значения. Это просто задача из бесконечного потока типовых задач. Ещё не хватало угробить землянку.

Глава 2

– Кому ты звонить собрался в таком часу?

Экдал, брат Эндана, сидел, скрестив ноги, в другом углу дивана и покачивал в руке пиалу с разбавленной хримгой. Его жена придумала себе какое-то важное задание на вечер – писала, сказал, писульку какую-то, которую через несколько дней будет зачитывать на конференции. К счастью, на этот раз ехать никуда не придётся, конференция сетевая. Экдал уже давно привык ездить со своей кралею по всему свету, но он теперь был одним из генералов муданжской армии, а делать ему визы приходилось Эндану...

– На Тигрэн, – вздохнул Эндан. – У них там только-только рабочий день начался в министерстве, а мне надо мужика этого задержать.

Брат покачал головой и почесал выбритые на виске узоры. На Муданге так не стригли, это он в начале месяца с женой на Тамль ездил.

– Смотрю я на тебя, братец, и думаю, что зря ты на повышение пошёл. В наёмниках да телохранителях ты выглядел повеселее. Может, вернуться?

Эндан скривился. Ещё поучений от младшего брата он не выслушивал. Не то чтобы у того не было морального права – Экдал собрал свою команду наёмников, к которой Эндан даже в итоге присоединился, когда его собственный капитан стал Императором, а потом, когда Император аккуратно, но настойчиво загнал всех наёмников в ряды регулярной армии, получил там сразу генеральский чин. Эндан же в армию идти не захотел, а чем ещё заняться, не придумал, пока тот же Император не предложил ему место телохранителя при министре природопользования Хосе – нечеловеческой твари, выросшей в лесу. Тварь, впрочем, оказалась довольно милая и покладистая, и через пару лет перестала трястись в присутствии чужих людей, а потом и люди попривыкли, так что необходимость в постоянной охране отпала. Эндана никто не гнал, он мог бы остаться в телохранителях, но, во-первых, он перестал чувствовать нужность своей работы, а во-вторых...

– Не могу я, – вздохнул он. – Хос постоянно трётся с императорской семьёй. Это только ходить и смотреть целыми днями, как они живут, милуются и плодятся. Не могу.

Брат сдвинул точёные брови. У Эндана были почти такие же, они с братом вообще мало различались, но Экдал вышел как-то неуловимо красивее. Может, просто держал себя иначе.

– Это тебя землянка так раздражает? Мне казалось, ты с ней поладил, это у меня с ней тёрки были. И то я теперь думаю, что она в чём-то была права.

– Да нет, чего там землянка, – отмахнулся Эндан и ущипнул себя за переносицу. – Землянка как землянка, грубая, конечно, и нахальная, но они все такие, я привык. Тут другое. Ну не могу я целыми днями смотреть на чужое счастье, которого мне самому не видать. Это... нездорово. Так и сплзнуть можно. А я не хочу Ахмад-хону зла, на его долю и так выпало немало.

Глаза брата раскрылись шире, и он быстро спрятал взгляд в пиалу, как будто боялся показать свою настоящую реакцию. Эндан и сам не хотел её видеть. Стрезва он бы и не стал откровенничать, зная, что услышит в ответ, но хримга развязала язык.

– Слушай, ну, – начал Экдал, и Эндан подобрался, готовый отстаивать своё решение, – моя вот родила, и нормально всё. Я понимаю, что ты опасаясь, но сейчас с этой земной медициной – когда последний раз в столице кто-то от родов умерал? Ты бы с той же землянкой перетёр на эту тему, может, можно как-то подстраховаться?

– То, что ты решился своей жене ребёнка сделать, это на твоей совести, – тихо ответил Эндан. Ссориться с братом он не хотел, и так полжизни из-за политики помириться не могли, теперь ещё и это... Хотя Эндан в упор не понимал, как Экдал договорился со своей совестью: их мать умерла в родах, мать отца умерла в родах, и жена Эндана тоже умерла в родах, только там и ребёнок не выжил. Как Экдал, зная это, отважился рискнуть своей женщиной, было

Эндану недоступно. Наверное, так же, как он когда-то решился создать свою команду наёмников, сам ещё будучи зелёным юнцом почти без опыта. Младший удался отважнее, красивее и удачливее старшего, и с этим приходилось мириться. Не завидовать же ему. Так и правда до глаза недалеко. – Но я не могу. Понимаешь, я просто не могу. Мне иной раз на улице девица улыбнётся, так потом всю ночь кошмары снятся. Я просто не переживу этого ещё раз, понимаешь?

Экдал состроил скорбное лицо, какое только он умел – словно с миниатюры в каком-нибудь старинном сборнике баллад.

– От кошмаров теперь тоже лечат, – заметил он. – Вон Алтонгирел своих призраков упокоил, говорят. Не знаю уж, что у него там была за история, но он духовник и сам не справился, так что уж наверное непростая. И потом, ну хорошо, я понимаю, детей ты заводит боишься. Но бабу-то почему нет? Ты же аккуратный, с ума не сходишь, у тебя всё по расписанию. Она и рада будет не рожать.

Эндан допил хримгу и налил себе ещё из запотевшего графина. Брат со своей женой почти всегда уживался неплохо – поначалу потому, что она не создавала проблем ему, а потом потому, что Экдал не стал создавать проблем ей. Но были вещи, которых брат не поймёт никогда. Ни одна женщина не могла сравниться с его Яргуй, цветочком ветреницы, алой лесной звёздочкой. Когда он смотрел на неё, у него сердце щемило и дыхание замирало, а от её смеха слабели руки. Эндан, конечно, никому в этом не признавался, особенно ей самой – прослыть неуравновешенным, потерявшим душу ему вовсе не улыбалось. Но ему казалось, что она знала, замечала за ним мелкие странности и не пугалась, а наоборот, забавлялась, любуясь произведённым эффектом. Душа Эндана развеялась пеплом вместе с ней, а без этого... Он просто не представлял себе, как быть с женщиной, к которой не будут сами собой тянуться руки.

– А то ты не знаешь, что будет дальше, – сказал он вслух вместо всего этого. – Ну год, ну два проживём, а потом начнётся: что это у вас деток нету? Жене на подарки скупись, или пропиваешь всё, или силы мужской не хватает? Можно подумать, ты не слышал таких разговоров.

Экдал смутился: наверняка не только слышал, но и сам участвовал.

– Ну возьми вон из приюта, – внезапно предложил он. Эндан уставился на него, прикидывая, не была ли хримга крепче, чем ему казалось.

– Где я тебе найду женщину, которая на такое согласится? – выдавил он. – Ты вообще представляешь размах скандала, который она устроит? Где это видано вообще, безродных в дом тащить? Да я никакими деньгами не откуплюсь.

Экдал открыл было рот, но подавился тем, что хотел сказать, и со стуком зубов закрыл его обратно. Эндан перевёл дыхание: брат в своих путешествиях с женой всякого навидался, забыл, должно быть, как на Муданге принято. Оставалось надеяться, что он не собирался предложить Эндану взять безродного из приюта, не обзаводясь женой. Тут уж даже те кто, в принципе сплетни не слушает, решили бы, что это его внебрачный, и тогда репутации и карьере Эндана настанет полный и бесповоротный конец. Он сомневался, что даже Ахмад-хон с его широтой взглядов и общим расположением к безродным поймёт такую выходку.

Желая поскорее закончить неприятный разговор, Эндан снова взялся за телефон и всё-таки позвонил на Тигрэн. К счастью, в тамошнем МИДе его хорошо знали и задержать этого несчастного дирижёра согласились без лишних вопросов.

– Ты в ближайшее время на Муданге? – спросил Экдал, когда разговор с Тигрэном был закончен.

Эндан кивнул.

– Надо оркестр встретить и проводить. Наверняка в разъездах какие-нибудь проблемы возникнут. С артистами всегда проблемы.

– А, так ты с ними покатаешься? – оживился брат.

– Нет, зачем? – удивился Эндан. – С ними будут два переводчика, и хорош. Я и по телефону всё разругать могу.

– Да ладно, поездил бы по стране, развеялся. Смотри, ты из канцелярии носа не показываешь, уже серый весь! Скоро примешь форму кресла и перестанешь разгибаться.

– Развеешься? – изумился Эндан. – С земными артистами? Ты себе эту публику представляешь вообще? Там же каприз на капризе и такое самомнение, что оба солнца застит. Я слабо себе представляю менее подходящее для отдыха занятие.

– Так то знаменитости, – заметил Экдал. – А эти обычные будут. Их Хотон-хон пригласила ради того, чтобы подругу повидать, а не за высокий класс. Мне жена по секрету рассказала, – добавил он и подмигнул. – Кстати, она и сама не прочь прокатиться по городам, жена то есть. Могла бы одного из переводчиков подменить.

Эндан цыкнул зубом. Эсарнай знала всеобщий намного лучше, чем мударжские переводчики, потому что родилась и выросла на Гарнете, а уж в разнице культур разбиралась и вовсе профессионально. С ней поездка прошла бы гораздо спокойнее – она знала заранее, где и что землянам не понравится, и где они чего захотят.

– У жены твоей ценник на услуги высотой с императорский дворец, – попытался упереться Эндан. Что-то ему не нравилось в энтузиазме брата, но что именно, он понять пока не мог.

– Это на письменные переводы, – качнул головой Экдал. – А трындеть с землянами она и даром готова хоть сутки напролёт. Тем более с музыкантами. Это ж культу-ура, исто-ория, всё как она любит.

– Так поезжайте сами, – развёл руками Эндан. – Я-то зачем?

– А я что делать буду, пока она трындит? Не-ет уж, – потряс пальцем брат. – Или с тобой, или без нас.

Эндан снова подвинул поближе телефон и пролистал своё расписание и список дел на время гастролей. Ничего такого, чего он не смог бы сделать из другого города. И правда, что ли, прокатиться, пейзажи посмотреть... Худульских раков поесть, долхотских рябчиков. Ну, почему бы и нет?

Алиса летела в звездолёте. Верилось ей в это с трудом, так что она то и дело подрывалась с места и щупала обшивку, двери и рамы иллюминаторов. Это мало помогало: в отличие от земных кораблей мударжский рейсовый паром не вибрировал во время полёта и вообще изнутри больше походил на курортную гостиницу: скруглённые помещения, кручёные деревянные поручни, лепнина под потолком и панно на мифологические темы на фокусных стенах. Даже интерьерный фонтанчик в кают-компании имелся. Коллеги по оркестру, привычные к перелётам, обалдевали не меньше, а больше, чем Алиса – они-то привыкли ложки к столу магнитить и ремнём безопасности к койке пристёгиваться, а тут такой расслабон.

– Ох и полетят эти кресла, – покачал головой директор оркестра Томислав, – когда в атмосферу заходить будем.

– Позавчера, когда в тоннель заходили, не полетели, – заметил контрабасист Нгуён. – Я вообще не заметил даже.

Алиса припомнила, что, когда она летала на Эспагу – ещё до пропажи брата, – перед входом в тоннель особо чувствительные занимали очередь в уборную, потому что укачивало до тошноты.

– Эй, командир, – окликнул Томислав проходящего мимо члена экипажа.

Тот обернулся и с высоты своего огромного роста сверкнул белозубой улыбкой. У него было плоское лицо, из которого вперёд выдавался только самый кончик носа и огромные челюсти, так что в целом он походил на какую-то хищную придонную рыбу.

– Я нэ камандыр, я завхоз, – с сильным акцентом поправил он. – Камандыр на мостыкэ.

– Да я в шутку, – махнул рукой Томислав. – Ты скажи, мы ведь скоро садиться будем? Надо по каютам разойтись, пристегнуться, инструменты убрать понадежнее, так? Вы бы хоть объявление какое сделали...

Завхоз нахмурился и опустил уголки полных губ, завершив своё сходство с удильщиком.

– Зачем пристегнуться? Садём магко. Пуфф, как порышко!

Алиса хрюкнула в кулак. Она сама уже четыре раза Лизу спросила насчёт сомнительной бортовой безопасности и получила вагон заверений, что на муданжских кораблях вообще не бывает внезапных рывков и скачков, потому что у них фундаментально другой принцип полёта, а трясти может, только если в естественный тоннель зайти. Тоннель же между Землёй и Мудангом был искусственным. Его построили всего пару лет назад и поддерживали в идеальном состоянии, так что переживать было вовсе не о чем.

Томислав покачал головой в спину уходящему завхозу и пошёл тыкать в иллюминатор, где можно было посмотреть путевую информацию.

– Полчаса до приземления, – сообщил он, поёжившись. – Вы как хотите, а я пойду в санузел при каюте, там хоть свободно стоящей мебели нет и есть поручень.

Музыканты почесали в затылке и тоже разбрелись, кто-то резвее, кто-то неохотнее. Алиса припала к иллюминатору: пропустить приземление она просто не могла. Она понятия не имела, какие звёзды и где сошлись так, что на время этих гастролей она папе не понадобилась. После того, как Томислав объявил, что они приняли приглашение на Муданг, она двое суток не включала телефон и не открывала никакие соцсети, чтобы не дай бог не получить очередное “Маркусу нужна замена”.

На третий день папа явился лично – вломился в её комнату без стука и отчитал за раздолбайство и оторванность от жизни. Конечно же, на даты поездки у него были на Алису планы и, конечно же, они превосходили по важности все планы Алисы. Она уже смирилась с тем, что не видать ей Муданга и с горя заказала новую куклу, хотя ещё не успела полностью обшить Гвайва. Душа требовала что-нибудь смуглое и раскосое. Не дают вживую полюбоваться, так хоть дома себе муданжский уголок устроить. Алиса даже нашла в Сети немного снимков муданжцев в национальной одежде и стала прикидывать, как это шьётся, чтобы нарядить новенького. И назвать его как-нибудь... Гирел там или Мидин... Какие ещё у этих муданжцев имена есть?

Однако за неделю до отбытия оркестра на Муданг папа внезапно застрял на Тигрэне. Что-то им там не понравилось то ли в его визе, то ли в багаже, но вылететь на Землю ему не дали до сих пор, так что на сей раз это его планам пришлось подвинуться. К счастью, Алиса хорошо знала весь репертуар и не раз играла его на концертах, так что всего нескольких репетиций было достаточно, и это решило её судьбу: Нико ещё не доучил несколько вещей.

Маленький голубой шарик в экране-иллюминаторе неумолимо рос и вскоре закрыл собой всё изображение. Алиса начала различать горные хребты, похожие на морозные узоры на стекле, рябь барашков на беспокойной поверхности океана, снежные степи, словно залитые белой гуашью, и наконец раскрывшийся среди гор цветок столицы, поделённый на лепестки радиальными улицами. Алиса не успела ничего разглядеть в городе – вид на него перекрыл край плато, на которое звездолёт... уже приземлился? Алиса даже “пуфф” не заметила.

– Добро пожаловать на Муданг, – сообщил из динамиков вкрадчивый женский голос с едва заметным акцентом. – Температура за бортом три градуса по Цельсию, лёгкий снегопад. Выход из корабля в середине нижнего уровня, время на высадку тридцать минут. Ваш багаж доставят в гостиницу отдельно. Экипаж желает вам хорошего дня и приятного пребывания.

Алиса наконец отлипла от иллюминатора и кинулась в свою каюту за курткой и футляром со скрипкой, а потом едва не скатилась по крутой лесенке, ведущей из брюха звездолёта на заснеженную посадочную площадку. Несмотря на падающие с неба лёгкие хлопья, меж облаков проглядывало солнце, и лучи его золотили полированный бок космического корабля и волосы встречающей делегации.

– Добро пожаловать, как долетели? – уловила Алиса краем уха приятный мужской голос всё с тем же резковатым акцентом. Её больше занимал силуэт гор на горизонте, различимый даже в снежной дымке. Конечно, планета меньше, горизонт ближе. Вот оно неоспоримое доказательство, данное в ощущениях: Алиса на другой планете! Она чуть не запрыгала на одной ноге с визгом, но вовремя прикусила язык, не желая перебивать Томислава, который разливался соловьём, как чудесна муданжская космическая техника.

Перед Томиславом с вежливой улыбкой, кивая в поддержку разговора, высился... высилась ростовая шарнирная кукла богически красивого смуглого азиата, как две капли воды похожего на оставшуюся дома новую покупку Алисы.

Глава 3

Алиса так и застыла с раскрытым ртом, рассматривая этот экземпляр азиатской эстетики, как она последний раз изучала в гостях у подруги драгоценную коллекционную модель Риц Нуво. Первой содержательной мыслью в её голове возникло – у него на запястьях даже шарниры не видны, а вон как крутятся! И только попытавшись присесть, чтобы посмотреть, как шея в голову входит, Алиса сообразила, что это всё-таки не кукла, а живой человек. Который, кажется, сбился на полуслове, заметив её восхищение.

Блин, с живыми же так нельзя, он же что-нибудь подумает – или про неё, или про себя, и ещё вопрос, что хуже. Ну нет бы вот он так и стоял неподвижно, максимум, разговаривал с Томиславом, а Алиса бы попускала слюни. Ну почему нельзя?

Тут Алиса вспомнила, сколько стоят линейки Риц Нуво и сколько она сама зарабатывает, и прикинула, что живой-то подороже выйдет, наверное. В очередной раз пожалела, что на Земле запрещена работорговля, а даже была бы разрешена – денег-то где столько взять? Ладно, придётся любоваться исподтишка.

– Алиса-хон, что-то не так? – приятный мужской голос с уже привычным лёгким акцентом выхватил её внимание из пучины грёз.

Алиса подняла взгляд и поняла, что разговаривает с ней всё тот же Риц Нуво. Ну нет, это уже было слишком. Ей и так с людьми приходилось общаться почти каждый день, а тут шарнирка ещё хочет чего-то?! Алиса не любила собак за то, что их нельзя просто игнорировать, но уж кукол-то всегда можно убрать в коробку, если не готова сейчас с ними общаться! А Алиса в данном случае вот вообще не готова!

Поэтому она решила сделать вид, что это её не касается, и уставилась прямо перед собой в ожидании, когда странное явление от неё отстанет. От случайных прохожих это работало, пусть и не сразу, особенно если пьяные, но в конечном итоге всегда.

– Алиса-хон? – снова позвало явление. – Вы же Алиса Романова?

Проблема была в том, что там, куда прямо перед собой уставилась Алиса, как раз располагалась широкая грудь явления, облачённая в расписную дублёнку. По коже весёлым принтом бежали узоры вроде тех, что Алиса недавно находила для куклы, по краю изделие было оторочено пучками синего и оранжевого меха, а в глубине, между крашеными ворсинками, блестело какое-то украшение, и Алиса никак не могла его разглядеть...

– Не трогайте её, – вклинилась в разговор первая скрипка, Александра. – Она с незнакомыми не разговаривает.

Повисла небольшая пауза. Возможно, кто-то с кем-то обменивался мимическими знаками, Алиса не смотрела, потому что зачем? Общение переоценено. Что же у него там висит? Блестит так симпатично. Алиса обожала мужские украшения.

– Кхм, ну что же, тогда давайте я вас посажу на фуникулёр? – прозвучал голос Риц Нуво.

Хотя в том, что это всё-таки живой человек, пришлось убедиться очень скоро и в прямом смысле на своей шкуре. Кабинки фуникулёра плыли, не останавливаясь, и вскочить в них самостоятельно было не то чтобы непросто, но стремновато. Риц Нуво вызвался подсаживать. Делал он это профессионально, небось не первый оркестр тут встречал. Алиса немного подтормаживала – и от него взгляд не могла отвести, и кабинки эти, экзотика, – и не сообразила быстренько проскочить у кого-нибудь за спиной, а спохватилась только когда уверенная мужская рука ухватила её ладонь и потянула вверх. Кожа у Риц Нуво была сухая и горячая, несмотря на три градуса по Цельсию, и запястье Алисы уколол уголок не очень аккуратно подстриженного ногтя. От мужчины пахло выделанной кожей, дымом и парфюмом, и иллюзия развеялась. Алиса невольно подняла взгляд и рассмотрела совершенно живые глаза с розоватыми, будто с

недосыпа, белками, непрозрачными шоколадного цвета радужками и приставшей под нижним веком выпавшей ресницей. Точно живой. Ну блин.

И только сев на лавочку в кабинке, Алиса поняла, что этот блин был не про то, как жаль, что это не кукла для наряжания и фотосессий, а человек, который будет хотеть общаться и высказывать своё какое-нибудь тупое мнение. Этот блин был про то, как жаль, что он не кукла, которую можно за определённую сумму получить в своё распоряжение и посадить на полку, а живой человек, внимание которого ещё надо как-то заслужить.

У подножия горы их рассадили в несколько широких открытых автомобилей на очень больших колёсах и, как на блюдечках, доставили в гостиницу. Хотя это скорее можно было назвать базой отдыха, потому что вместо единого здания или группы жилых корпусов им предлагалось поселиться по двое-трое в симпатичных скруглённых домиках. Алиса, впрочем, оказалась в своём вообще одна. Её это вовсе не удивило – коллеги не очень-то любили проводить свой досуг в её компании, а матрасы, на которых тут предлагалось спать прямо на полу, перетасить было несложно.

Алиса положила футляр в ближайшее кресло и снова вышла на улицу, подставив лицо под мелкие кружащие снежинки. Паром прибыл очень рано утром, и до осмотра сцены ещё было два часа свободного времени, а если всё будет хорошо, то и потом до концерта можно будет пройтись по городу.

– Алис! – окликнул её женский голос. Она поспешно перестала ловить ртом снежинки и обернулась.

По тропинке от ворот спешила женщина в бирюзовом лыжном костюме с капюшоном, из-под которого выбивались длинные и светлые кудрявые пряди. Наверное, это и была Лиза. Алиса уже плоховато помнила, как та выглядит, но волосы какие-то такие и были вроде.

– Привет! – немного запыхавшись, выпалила подозреваемая в лизости, добежав до крыльца. – Ты как?

– Нормально, – ответила Алиса. – Привет.

Кажется, люди что-то ещё говорят в таких ситуациях. Ах да.

– Спасибо за приглашение, – добавила она после паузы и приготовилась уворачиваться, если женщина полезет обниматься.

– Тебе спасибо, что приехала, – улыбнулась та и не полезла. Окей, плюстик в карму. – Пошли позавтракаем, город посмотришь немного, пока время есть.

От такого предложения Алиса не смогла отказаться.

Даже за короткую пешую прогулку город успел её впечатлить. Она никогда раньше не бывала в саманных поселениях, а уж тем более в домах в форме черепашек и крылатых котлов. Единственным строением, выбивавшимся из пейзажа, был огромный стеклянный дворец, похожий на какие-то земные офисные центры, но Лиза – а это таки была она, – только рукой махнула, что, мол, архитектору модная шлея под хвост попала.

Завтракать они расположились в том самом коте. Сапоги тут можно было снять и взгромоздиться с ногами на подушку за низким столиком под целой люстрой из маленьких резных фонариков с цветными стёклышками. Пока Алиса таращилась вверх, Лиза пообщалась с богатырского сложения хозяином на местном каркающем и харкающем языке, и вскоре им принесли чай с ягодами, кофе по-турецки, омлет с помидорами и лепёшки с овечьим сыром. Алиса потихоньку выдохнула. При всей её тоске по путешествиям кулинарные авантюры были вовсе не про неё. Она даже захватила с собой несколько пачек рисовых хлебцев на случай, если тут ничего съедобного не найдётся, но, похоже, муданжская кухня оказалась в зоне комфорта.

В зоне дискомфорта был только тот, с посадочной площадки. Алиса то и дело оглядывалась, то ли опасаясь, то ли надеясь, что он сейчас войдёт и сядет за соседний столик.

– Слушай, – не вытерпела она, перебив Лизу, которая болтала о чём-то светском. – А что за Риц Нуво нас встречал?

– Э-э, – осеклась Лиза. – Риц Нуво – это же какая-то фирма, делающая шарнирки, так? Ты рассказывала в прошлый раз, но я не очень хорошо помню.

Она рассказывала? Алиса не помнила вообще.

– Ну да, то есть не Риц Нуво... Риц Нуво я себе позволить не могу, это я так к слову, – забормотала она, сообразив, что похож-то тот экземпляр был вовсе не на Риц Нуво, а на купленного ею Сакура-сана, и тут же полезла в телефон за фоткой.

– А! – лицо Лиза осветилось узнаванием. – Это ж Э... То есть он же тебе не представился сам, так? Тогда, хммм, как же его... Ясень! Точно, Ясень. Он у нас типа министра иностранных дел.

– Министр, и сам оркестры встречает? – удивилась Алиса.

– Ну, ты понимаешь, министр на Муданге понятие такое... Я сама министр, а насморки лечу. В ЗС потребовали, чтобы были министерства, а у них главы, мы и сделали. А что именно там в должностную инструкцию входит, мы им отчитываться не обязаны. Нам пока сильно прокачанного министра неоткуда взять, глядишь, в следующем поколении вырастим кого-нибудь, да и задач на настоящее министерство иностранных дел пока нет. А ты всё так же по куклам?

Алиса машинально ощетинулась, ожидая очередную проповедь о том, что, мол, взрослой бабе не пристало и вообще что за чушь ты занимаешься.

– Это хобби, – прохладно сказала она.

– Да я знаю, – легко кивнула Лиза. – Тут, кстати, народу зашло бы, мужики почти все по дереву режут, муж мне на первую свадьбу целый выводок кукол сделал, помнится. Портретных.

– Серьёзно? – оживилась Алиса. Она начинала вспоминать, почему брат с удовольствием общался с этой подругой. – А шарнирки у них есть? А выставки бывают?

– Выставки не выставки, а вот в музее в Долхоте были и куклы, насколько я помню. И костюмы, конечно. У вас там будет предпоследний концерт, зайди посмотри обязательно, тебе будет интересно.

– О! – обрадовалась Алиса, которая только что сообразила, что понятия не имеет, что вообще на этом Муданге стоит посмотреть. Её так ошеломила мысль, что можно куда-то поехать, что она и выяснять подробности не стала. А тут же, наверное, есть какой-то минимальный набор туриста, с которым следует ознакомиться. – А что тут вообще... и как? Я ничего заранее не читала.

Лиза нехорошо хмыкнула.

– А ты смелая женщина – заявляться на планету расселения без подготовки, – покачала головой она. – Вкратце так: женщина – это кукла, которую можно, пока занят серьёзными делами, убрать в коробку, а потом достать и задобрить бусиками. При этом примерно каждый второй будет пытаться на тебе жениться. Но пальцем никто не тронет, даже самые навязчивые, так что бояться нечего, просто посылаешь нафиг, и всё.

Алиса спрашивала вообще не об этом, поэтому не сразу врубилась в новую информацию, а когда врубилась, попыталась себе представить послание нафиг Риц Нуво. Ох-х, да если он вдруг попытается на ней жениться, она человеческую речь забудет от стресса. Лучше как-то заранее подготовиться, выстроить в голове однозначный алгоритм. Не будет же она ему на пальцы наступать, ещё шарниры полома... ну, то есть, суставы.

– М-м, – содержательно сказала она, – а какими словами лучше послать?

Лиза оскалилась, как будто только этого и ждала.

– Сейчас научу! У тебя ж вроде с иностранными языками неплохо?

Первый концерт в туре у оркестра был, конечно же, в столице и прямо в день приезда. В конце концов, Эндан не первый раз привозил на Муданг инопланетных артистов и умел заранее выпрашивать мельчайшие подробности обо всём, что перечислено в райдере, а для закупки и настройки оборудования у него в министерстве был целый отдел, потому что на разных плане-

тах уж очень разные предпочтения в этих вопросах. Последний год всё шло гладко: оркестры прибывали с утренним паромом, приходили посмотреть сцену, ставили звук, репетировали в новой акустике, иногда что-то переставляли, но в целом ничего такого, чего нельзя было бы решить за пару часов, не возникало. Он уже научился на собственном опыте, что цвета оформления надо сверять по номерам, а не на глаз, поколения разъёмов уточнять у производителя, не полагаясь на то, что музыканты их правильно помнят, и вообще – предусматривать проблемы, а не носиться потом с выпученными глазами и паром из ушей всем министерством.

Вот и сегодня Эндан благосклонно пронаблюдал проверку звука и репетицию, потягивая из термоса перчёный чай и перебрасываясь парой слов за полчаса с братом, который пришёл составить ему компанию. Жена брата мелькала тут и там среди музыкантов, залиvisto смеясь и очень быстро тараторя что-то восхищённое. Музыканты вроде не возражали.

Репетиция тоже прошла без нареканий. Эндан не разделял увлечения Императора земной классической музыкой, но за время на должности научился в ней немного разбираться. Эти играли вполне прилично, да и репертуар был во вкусе Ахмад-хона, а Эсарнай помогла отобрать те композиции, что нашли бы хоть какой-то отклик в душах менее образованных слушателей. В общем, всё шло как по маслу.

Пока артисты не вышли на сцену перед самым концертом.

Собственно сцена в столице была одна, и она совмещала в себе функции стадиона, театра и плаца для военных парадов. Находилась она на дне небольшого древнего кратера, а места для зрителей располагались по стенкам воронки. Акустика там была такая, что повторить её в рукотворном здании было бы задачей для гения, так что столичные жители и не пытались – зачем, когда есть прекрасное природное место?

Конечно, зимой выступать под открытым небом не всегда бывало комфортно, а любые крыши или тенты портили звук, но для муданжца выйти на столичную сцену всегда считалось такой привилегией, что никто не возражал. Проблему дождя и снега научились решать ещё на заре космической эры – Император Овзат Покоритель неба приказал установить по краям воронки систему лазеров и вентиляторов, которые обращали все осадки в пар и сдували их в ближайшую ненаселённую долину. Вопрос с обогревом решили позже, уже в правление Императора Аэды Хитроглазого. Тогда придумали устанавливать по краям сцены прозрачные листы обогревателей, которые создавали комфортную температуру для выступающих. Последние годы такие же листы стали использовать и между рядами зрителей.

Всё это привело к тому, что инопланетные артисты могли выступать в любой сезон в своих обычных концертных нарядах, а те далеко не всегда соответствовали представлениям муданжцев о том, как должно выглядеть уважаемым музыкантам и вообще приличным людям. Поэтому Эндан быстро научился согласовывать с приглашёнными дресс-код. Бывало по-всякому, и с парой групп даже не удалось договориться, но до сих пор не бывало, чтобы кто-то из оркестра просто проигнорировал требования.

Сейчас же Эндан лицезрел посреди сцены рыжую скрипачку в тёмно-красном платье, лиф которого держался на ней за счёт ошейника и двух прозрачных кружевных бретелечек, выставив на всеобщее обозрение белые плечи в веснушках. В веснушках! Их было чётко видно во всех экранах, а зрители начнут заходить в зал уже через полчаса!

– Похоже, у тебя проблемы, братишка, – усмехнулся Экдал, сострадательно похлопывая Эндана по плечу.

Экдал выругался и рванул к сцене.

– ...было же в информационном листке, – говорила скрипачке виолончелистка, одетая куда более подобающе, в закрытое бархатное платье с длинным рукавом.

– Так я не получала информационный листок! – возмущалась скрипачка. Это, конечно, была та самая девица, что залипла на Эндана в космопорту, а потом отказалась разговаривать. – Я же до последнего не собиралась ехать, мне и не присылали его!

– У вас есть с собой другой костюм? – выпалил Эндан, добежав.

– У меня десять таких одинаковых! – ответила девица, даже не глянув в его сторону. Виолончелистка закатила глаза. – Что?! Всю жизнь в таких выступаю, с пятнадцати лет, ни разу никаких проблем не было!

Эндан наконец оторвал взгляд от веснушек на плечах и заметил, что девица накрашена – совсем не так, как красились муданжки, но хотя бы на лице веснушки не светились, как утром на посадочной площадке, когда Эндан чуть не отшатнулся от этих пятнышек на бледной коже. Не то чтобы ему было противно, так-то привык уже к разному, просто непривычно. К счастью, сейчас лицо девицы было затонировано в ноль и только по скулам припудрено чем-то блестящим. Для концерта самое то, но взгляд Эндана невольно скользнул обратно на голые плечи в мелкую крапинку. Интересно, а ниже... Нет, он не будет об этом думать.

– У вас есть пиджак или кардиган? – поспешил спросить он, вытаскивая взгляд из пространства между кружевными бретелечками, где тоже сияло звёздное небо.

– Только свитер... – протянула скрипачка. Помнил Эндан тот свитер утром на площадке. Это же Алиса, да-да, та самая Алиса, ради которой Хотон-хон и выбрала этот оркестр и ради которой Эндан потратил кусок политического капитала, припасённого на Тигрэне. Алиса, которую нельзя просто развернуть и выпереть со сцены. Ну ладно ещё голые плечи, позорище, конечно, но всё-таки земляне, все уже в курсе, что они вечно раздетые ходят. Но веснушки! Нельзя же просто так выпустить на сцену человека с пятнами на коже, Эндана странники потом в своих заметках четвергуют!

Эндан посмотрел на часы. Двадцать пять минут до появления первых зрителей. Ещё тридцать минут до начала концерта. Прикинул расстояния. Половина лавок уже закрыта, торговцы тоже на концерт пойдут. Жена Экдала этой пигалицы в объёме втрое больше. Хотон-хон, скорее всего, с работы напрямиком на концерт отправится, пока туда, пока сюда, не успеют. Кто из сотрудников может у своей жены верхний диль попросить... Эндан без понятия. А вот у него дома в шкафу до сих пор лежали вещи, которые он так и не смог себя заставить сжечь. Одежду покойников не раздают, примета плохая, но просто избавиться от того, что Яргуй любовно расшивала своими руками... В общем, что ему за дело до того, каким боком удача повернётся этой растяпе. Главное, что в плечах и груди она почти такая же, как была Яргуй, и по цвету ей лёгкий верхний диль подойдёт. Разве что рукава будут коротковаты, но на то и верхний диль, там хоть локтя могут быть рукава.

– Спрячьтесь под сцену, – велел он девице Алисе. – Я вам сейчас принесу что надеть сверху.

Эндан рванул со всех ног наверх, к машине, жалея, что не взял унгуц. По воздуху-то быстрее было бы, ну да ладно, вроде успевал. Он чуть не споткнулся, напоровшись на многозначительный взгляд брата, наверняка слышавшего его обещание только что.

– Отвали, – рыкнул Эндан и пролетел мимо, продолжая ощущать этот взгляд и спиной.

Глава 4

Тур земного оркестра проходил по всем крупным городам: из столицы они отправились на Орл, оттуда в Имн-Билч, а после этого должны были ехать в Худул и Сирий, чтобы потом через Долхот вернуться в столицу. Этот маршрут не менялся от оркестра к оркестру, ничего комфортнее и осмысленнее всё равно было не придумать, потому что именно между этими городами проходили линии монорельса.

Конечно, можно было бы возить выступантов и по воздуху, но на тот же Орл это было не так просто – опасные воздушные потоки над проливом исключали обывательские перелёты, а расстояния между прочими городами были таковы, что лететь там выходило четыре-пять часов, ни себе ни людям. Да и в унгуце можно только сидеть – ни лечь, ни пройтись. В поезде же приглашённым артистам выделяли собственный вагон с персональными отсеками, где можно было с комфортом выспаться, принять душ и получить горячее питание. А в светлое время суток – ещё и насладиться видами из окна, особенно во время поездки по подводному туннелю на Орл и обратно.

– Не думала, что я это скажу, – заявила виолончелистка, падая в кресло в кондиционированном поезде после концерта на Орле и непрерывно обмахиваясь веером, – но Алискино платье тут было явно уместнее. Вы бы предупредили, что такая жарница!

– Я предупредил, – невозмутимо ответил Эндан, усаживаясь рядом через проход. От Орла до Имн-Билча ехать было всего часа три, так что они решили обойтись сидячим вагоном. – В сведениях, которые мы предоставили директору оркестра, были указаны средние температуры для данного времени года по всем площадкам. А голые плечи вас бы не спасли, на Орле жарко, даже если вовсе ничего не надевать.

– Вот это был бы концерт, – хмыкнул брат, усаживаясь рядом с Энданом. – Прикинь, какую кассу бы сорвали.

Эндан покосился на него с опаской. Обычно Экдал так по-земному не шутил. Эндан вообще с трудом узнавал брата. Последний раз они плотно общались, когда Экдал ещё был капитаном, а до того – в подростковом возрасте, но Экдал всегда был серьёзным, даже чересчур, несколько надменным и склонным воспринимать повороты своей судьбы, как сюжетные перипетии героической баллады. Если он это от генеральского чина теперь такой расслабленный, то ещё полбеды, а вот если с ним жена такое сделала... Эндан не знал даже, что и думать. Вроде бы брат доволен жизнью, а вроде и на себя не похож.

– У тебя всё хорошо? – неожиданно для самого себя спросил Эндан. Тихо и по-муданжски, конечно.

– О чём ты? – удивился Экдал.

Эндан помедлил. Не скажешь же “что-то ты подозрительно весёлый”... Покрутив так и этак, он наконец решил зайти с более традиционной стороны и задать стандартный вопрос, позволяющий собеседнику как следует пожаловаться на жизнь:

– Как жена?

Экдал пару секунд смотрел на него неверяще, как будто спрашивать такое было по меньшей мере государственной изменой.

– Ты думаешь, мне на голых землянок посмотреть захотелось? – спросил он через губу, мгновенно вернувшись к своему привычному высокомерному образу. Эндан так обрадовался, что не сразу осознал суть ответа.

– Что? Нет... Чего на них смотреть, землянки как землянки.

В глазах брата внезапно сверкнул хищный огонёк, но Эндан не успел понять, что он предвещал, потому что Экдал уже обернулся к виолончелистке:

– Вам нравится на Муданге? – спросил он ни к селу ни к городу. Эндан прожёт его взглядом, но брат на него не смотрел.

– Что? – нахмурилась девушка. – Да-а... ну так, нормально. Симпатично. Если бы не жара, можно было бы сказать, что условия нормальные.

– А публика? – продолжил расспрашивать Экдал.

Эндан закатил глаза и повернул голову строго вперёд, всем своим видом демонстрируя, что не участвует в разговоре. Землянам нельзя задавать такие навязчивые вопросы и напрашиваться на похвалу, это он уяснил уже давно и даже не на собственном опыте. Его только поражало, что брат не побрезговал, он ведь гордый!

Повёрнутый вперёд взгляд наткнулся на рыжие космы: сиденье перед ним заняла скрипачка Алиса. До сих пор там одиноко стоял футляр с её скрипкой, но теперь и она сама материализовалась – в джинсах и футболке на голое тело, с мокрыми распущенными волосами, с которых на эту самую футболку текла вода, дополнительно подчёркивая, насколько под тонкой тканью тело голое. Похоже, едва зайдя в вагон, девица сразу рванула в душ, а вышла из него уже вовсе не в концертном виде и теперь рассовывала по карманам футляра какие-то причиндалы.

Экдал о чём-то препирался с виолончелисткой через голову Эндана, но тот уже не разбирал слов, не в силах оторвать взгляда от того, как травянисто-зелёная ткань облепила контур небольшой груди. Наверняка там, под тканью, роились веснушки. Эта мысль должна была оттолкнуть, отрезвить, но вместо этого Эндану захотелось встать, перегнуться через спинку сиденья и прижаться лицом к мокрым разводам, вдохнуть вместе с химическим запахом шампуня и стирального геля аромат разгорячённой кожи...

Наваждение отпустило его только когда девица села и скрылась за спинкой кресла. Эндан пару раз моргнул и тряхнул головой. М-да, а он-то думал, что за столько лет в одиночестве потерял интерес. Пока наёмничал, заходил время от времени в гарнетские бордели, но с каждым разом всё неохотнее. Все тамошние девки казались ему на одно лицо, а само действие – рутинным, бесконечным повтором бессмысленных движений... В конце концов он перестал тратить на это время. Не так уж много удовольствия всё это ему и доставляло – сравнимо с хорошим ужином или просто парой часов, приятно проведённых с книжкой на пейзажной террасе какой-нибудь курортной гостиницы. Его уж точно никогда не беспокоил вид оголённого женского тела – ну серьёзно, что он, грудей не видал? Не мальчишка уже давно.

И тут вдруг собственное сознание подкидывает такую подлянку. Конечно, землянка эта безбашенная, ну как можно так, на людях, чуть не голой... Но на то и землянка, они ещё и не так могут. Да и, положи руку на сердце, ничего такого Эндан и не увидел. Футболка тёмная, разве что прилипла к коже немного, да и богатства там весьма умеренные, было б на что смотреть... Но собственную безразличность он явно переоценил. Похоже, к каким-нибудь девкам наведаться всё же стоит. После тура, понятное дело. Искать на Муданге устриц в перерыве между концертами – только репутацию себе портить. Приличные мужчины на государственных должностях по устрицам не ходили, а ухаживали за приличными женщинами, осыпая тех подарками на приличные суммы и комплиментами в интервью странникам. А потом женились и обзаводились выводком сыновей. И этот путь был не для Эндана.

– Вот мой брат, например, совершенно свободен, – услышал он слова Экдала.

Это он к чему? Какое свободен, у Эндана куча дел, в том числе на вечер, к чему его припахивают? Да и когда разговор успел так повернуть? Что Эндан пропустил? Он завертел головой, пытаясь разобраться.

Виолончелистка прожгла взглядом и его, и брата.

– Зато я замужем, – отрезала она. – Будьте добры, оставайтесь в рамках профессионального общения.

Эндан моргнул. Это что же, брат решил сводней поработать? После всего, о чём они говорили тогда? Он что, думает, что лучше Эндана знает, как Эндану жить его жизнь?!

– Идиот, – выпалил он и тут же обернулся к музыкантше. – Приношу извинения, я отвлёкся и не следил за разговором. Мой брат сопровождает нас как частное лицо, он не имеет отношения к организации поездки и не является мои подчинённым. Однако если он не будет соблюдать приличия, я могу попросить его покинуть вагон.

Собственно, на задних сиденьях располагались охранники именно на случай, если кто-то проявит к земным гостям чересчур навязчивый интерес, вот только Эндан не предполагал, что это может быть его собственный брат.

– Ничего страшного, – поджала губы виолончелистка и демонстративно вставила наушники.

– Ты из звездолёта выпал и голову ушиб? – прошипел Эндан Экдалу по-муданжски. – Я согласился с тобой поехать не для того, чтобы ты портил мне и всей планете репутацию!

– Ну я откуда знал, что она замужняя? – фыркнул брат. – Вон какая стрижка короткая, напрашивается же!

– Ты точно из звездолёта выпал, – покачал головой Эндан. – У землян стрижка ничего не значит, а вот кольцо у неё на пальце обручальное. Жёну бы свою спросил прежде чем приставать к людям! Ты с ней когда едешь, вообще ничем не интересуешься?

Экдал оглянулся в поисках жены. Та за три ряда от них щебетала с альтистом, похожим на эспажанца – высокий, со жгучими чёрными глазами и такой же чёрной, лоснящейся бородкой.

– У тебя точно всё хорошо? – снова спросил Эндан, наблюдая эту сцену.

Экдал закатил глаза.

– О себе позаботься. У меня семейная жизнь налажена.

– Так налажена, что твоя жена прямо в твоём присутствии заигрывает с первым встречным?

Экдал состроил томно-скорбное лицо, как только он умел.

– И этот человек ещё мне пеняет на узкий кругозор и невежество традиций других культур. Поверь мне, я знаю, как моя жена выглядит, когда заигрывает, и сейчас она занята вовсе не этим. Я уже давно перестал бросаться, как цепной пёс, на любого, кому она улыбнётся, тут никакого здоровья не хватит. Если этот мужик выслушает всё, что она захочет сказать за время поездки, и она не придёт мне по ушам ездить, то я ему ещё и сам налью.

– Что, сильно пилит? – удивился Эндан. Ему и самому казалось, что у брата с женой всё хорошо, да и она выглядела довольной.

– Нет. Просвещает, – вздохнул Экдал. – Я должен знать, автор какой из исполненных на концерте композиций был глухим, а какой – закодировал в нотах своё имя. Не вытягивай так лицо, не дай боги так и останется. Понимаешь теперь? Хочет языком чесать – пускай чешет, только не об меня. Как раз к приезду выговорится, и тогда я ей буду фруктики чистить и пяточки массировать. Ничего этот мужик с неё не получит, она знает, что ни один землянин с ней так носиться не будет, как я.

Эндан склонил голову набок и пожал губами. Ну почему бы и нет... Если брата всё устраивает, наверное, и так можно. Эндан вот с трудом себе представлял, что стерпел бы, если бы его Яргуй с какими-то посторонними лясы точила. Она, конечно, никогда себе подобного не позволяла, и ему не пристало фантазировать о таком с её участием. Но ещё и по этой причине Эндан даже не думал в сторону землянок. Взять ту же Хотон-хон – у Эндана бы никогда не нашлось столько уважения к чужой свободе, чтобы терпеть, как Ахмад-хон, полностью самостоятельную и самодостаточную женщину. Не то чтобы Эндан сомневался в своей способности позаботиться о супруге или предоставить ей достаточно развлечений. Просто в его картине мира женщина была существом домашним, нелюдимым и неамбициозным. К ней приходишь, чтобы отдохнуть от забот внешнего мира, а не чтобы обнаружить там записку, мол, ушла по своим заботам хлопотать.

Пока Эндан обо всём этом думал, Экдал побарабанил пальцами по спинке сиденья впереди, и в щели между спинками появилось мокрое веснушчатое лицо Алисы.

– Юная леди, а вы замужем? – пропел Экдал со сладкой улыбкой.

Эндан только рот открыл сказать брату, куда он может направить свои своднические потуги, но внезапно Алиса сделала это за него:

– Засунься обратно в устрицу, из которой высунулся, – предложила она по-муданжски с сильнейшим акцентом, – и пусть она тебя доносит, пока мозги не отрастут.

Экдал аж побледнел от такого оскорбления. Кажется, у него задрожала нижняя губа. Нет, это конечно, было чудовищно и непозволительно и в приличном обществе неприемлемо, да что там, даже среди наёмников далеко не всякий себя распускал до такой степени, чтобы так выражаться, но...

Экдалу было настолько поделом, а девица так старательно выговаривала незнакомые слова, что Эндана разобрал хохот. Нет, конечно, их мать ничем не заслужила подобных оскорблений, и кому другому за подобные слова Эндан бы тут же руку сломал, но что возьмёшь с этой несуразной растяпы, да ещё и подруги Хотон-хон... И сразу ясно, кто подучил. Но лицо Экдала того стоило!

– Так-то, к землянкам подкатывать! – потешался Эндан. – Смотри, она же проклянёт и не почешется.

Эндан вроде бы несильно уставал на работе последний месяц, да и вообще его жизнь была довольно спокойной и размеренной, но судя по тому, как его скрутило от смеха, какой-то накопленный стресс искал выхода. Эндану пришлось уткнуться лицом в колени и закрыться руками, чтобы не смущать оркестрантов, но постанывания и повизгивания всё равно просачивались. Экдал шлёпнул на него сверху сложенный вчетверо плед, и это только подлило масла в огонь. Эндан начал похрюкивать и подвывать, и тычки в бок со стороны брата вовсе не помогали делу.

Внезапно на задних рядах началось какое-то шебуршание, и вскоре салон наполнился звуками альта и флейты, играющих дуэтом. При их громкости в закрытом пространстве Эндан уже мог не скрываться и отсмеялся вдоволь.

– Чего они разыгрались? – спросил он, разгибаясь и вытирая лицо влажной салфеткой.

– Я попросил жену их подначить, – признался Экдал, вбивая сообщение в телефон. Краем глаза Эндан заметил множество сердечек. – А то как бы тебя за психа не сочли.

Эндан отдышался и глотнул воды из пассажирского пайка. Нет, у его брата, конечно, бывали странные идеи, но в критической ситуации он действовал отлично. А Эндану реально нужно было посмеяться. Он и не помнил уже, когда последний раз так хохотал.

Девица Алиса, похоже, всё это время поглядывала в щель между спинок, и теперь Экдал поймал её взгляд. Ему снова стало смешно, но пугать её не хотелось, ещё нажалуется на него Хотон-хон, мало ли.

– Простите моего брата, – сказал он ей по возможности формальным тоном. – Он не имел в виду ничего оскорбительного. И мы, э-э, не знали, что вы разговариваете по-муданжски.

– Я вообще не разговариваю, – огрызнулась девица и демонстративно напялила капюшон.

– Какой кошмар, – сплюнул Экдал, отворачиваясь. – Нет, брат, ты прав, с землянками лучше не связываться.

– Ну ты ещё и выбрал из всех! – фыркнул Эндан, у которого установилось неожиданно хорошее настроение. – Это же подружка Хотон-хон.

Экдал поднял брови и беззвучно открыл рот, запрокинув голову в жесте понимания.

– Это многое объясняет. Ну нет, ты достоин лучшего. Я поговорю с женой, может, она среди соседок кого знает потише и посимпатичнее.

Хорошее настроение Эндана резко пошло на убыль.

– Брат. Какими словами мне ещё до тебя донести: я не собираюсь жениться. Ни на землянке, ни на мустанжке, ни на гарнетке. Мне это не нужно, я не хочу. Что непонятно?

Экдал бросил на него сочувственный взгляд.

– А ты с духовником это обсуждал?

– Да! – рыкнул Эндан. – И он сказал – жизнь твоя, и выбор твой! Отцепись уже наконец.

– У тебя же Алтонгирел духовник, так? – уточнил Экдал, как будто не слышал требований. – Который сам на женщину без дрожи смотреть не может?

– Всё он может! – огрызнулся Эндан. – Сам говорил, ему голову подлечили.

Экдал покачал головой из стороны в сторону.

– Что ему там лечили, я не знаю, но вряд ли после этого он так уж станет настаивать на том, чтобы переженить всю свою опеку. Не шарахается, уже прогресс. Но и доверять ему в этом вопросе не стоит.

– А тебе стоит? – фыркнул Эндан. – Ты, конечно, в душах человеческих разбираешься!

Брат собирался ещё что-то сказать, но тут Эндана осенило. Это оружие сработало однажды, сработает и второй раз. Он просунул руку между спинками сидений и постучал пальцем по плечу Алисы. Плечо оказалось неожиданно костлявым, даже сквозь футболку и балахон. Алиса немедля явила своё недовольное крапчатое лицо в щель.

– Чего? – хмуро спросила она.

– Мой брат настаивает, что мне необходимо жениться, а я не хочу. Что бы вы ему посоветовали? – светским тоном поинтересовался Эндан, едва сдерживая каверзную улыбку.

Алиса перевела мрачный взгляд на Экдала, и Эндан даже немного забеспокоился – не сглазила бы.

– Роди ежа, – сказала Алиса. И, подумав, добавила: – хвостом вперёд.

Эндан похолодел. Заигрался он, один раз посмеялся, и решил, что теперь так и будет весело. Но судьба услужливо напомнила устами грубой землянки, почему именно брак – это не для него.

Поднимать взгляд на брата он не стал, но тот осторожно коснулся пальцами его рукава.

– Прости. Я увлёкся. Больше не буду.

И больше они об этом действительно не разговаривали.

Глава 5

Поезд из Имн-Билча в Худул прибыл морозным солнечным утром. Музыкантов тут же отвезли в Дом песен – в северных городах под открытым небом зимой не выступали. Эндан решил с ними не ехать, а вместо этого немного передохнуть. В конце концов, он же отправился в эту поездку ради пейзажей и деликатесов, а не ради этой рыжей грубиянки. Уж на что Хотон-хон не чтит приличий, но и она по первости вела себя повежливей. Не могла же скрипачка быть её смелее? Или просто глупее? Или о самосохранении даже не задумывалась, что было самым вероятным.

Эндан неторопливой походкой зашёл в трактир – красивый, весь в ярко расписанных резных украшениях. Само здание стояло на крутом берегу с видом на бурные воды Рулмирна в окружении скал. Эндан уселся у пейзажного окна на втором этаже – он оказался единственным посетителем в это время суток, так что получил в своё распоряжение лучшие места. Под самыми стенами трактира проходила торговая улица, но лавка напротив была низенькой, и поверх её крыши Эндан прекрасно видел, как утреннее солнце золотило горы и сверкало на перекатах быстрой реки. Он заказал кофе и сыр и открыл прихваченную из дома книгу, внутренне немножко гордясь собой за так удачно организованный досуг.

Эндан обычно с удовольствием читал о приключениях остроумных охотников, особенно если часть приключений заводили героя в светлицу чьей-нибудь неверной жёнушки или весёлой вдовушки. Сам Эндан никогда не испытывал порывов залезть в окно к одинокой горожанке, но чтение подобных эпизодов наполняло его приятным волнением, которому больше неоткуда было взяться в его размеренной жизни. Однако на этот раз книга никак не могла удержать его интерес. То ли снежные шапки на горах за окном слишком пронзительно блестели, то ли кофе оказался крепковат, но Эндан то и дело отвлекался и взглядывал на улицу, словно ожидая чего-то.

Улица пустовала, и со свеженаметённой снежной глазури его взгляд снова соскальзывал на белые скалы и барашки пены на воде. Подняться бы на такую вершину или наоборот спуститься к реке... Может, сплыть по ней в долблёной лодке, поднимая тучи ледяных брызг. Может, пройти берегом до океана и посозерцать серый горизонт. Может, наняться на денёк на рыболовное судно...

Эндан тряхнул головой и снова уткнулся в книгу, фокусируя взгляд на словах. Неутомимый охотник как раз хитро провёл двоих купцов и устроил себе весёлый досуг с их жёнушками, да ещё подарки им оплатил из кармана градоначальника. Эндан обожал истории о хитрецах. Отчего же его рука будто противилась перелистывать страницу?

Он пригубил ещё глоток из маленькой пиалушки и закусил густой напиток шариком солёного сыра, воспользовавшись этим, чтобы снова отвести глаза от текста. Продолжать читать было почти больно. Почему? Он ведь читал что-то подобное и в прошлом месяце, и осенью, и заходило отлично! Снова уставившись в текст, Эндан сосредоточился на том, что свербело у него внутри, и наконец вычленил причину: одна из жёнушек в истории была рыжей, из худульских горцев. А он как раз был в Худуле. Вот только горцы интересовали его меньше всего.

Едва не выругавшись вслух, Эндан захлопнул книжку. Какого шакала?! Нет, он мог понять, почему Ахмад-хон запал на свою Лизу. Она, даром что неотёсанная грубиянка, обласкала его по полной программе и во главу угла посадила на вышитой подушечке. Какому мужику такое не понравится! Но Алиса не делала ничего подобного. Она вела себя неадекватно и создавала проблемы. С какого перепугу Эндан не мог выкинуть её из головы хотя бы на час? Переживал, что она во что-нибудь вляпается?

Переживал. Распутав клубок своих порывов, Эндан разобрал мысль: вот он тут сидит в праздности, а она там наверняка во что-нибудь вляпывается. И она не весёлая жёнушка из

книги, чтобы придумать, как выкрутиться, а он не остроумный охотник, чтобы замять все последствия. А что если она нахамит градоначальнику или кому из худульских певцов? Вроде бы никого из них она не должна встретить, но как знать, там же Эсарнай заправляет, могла и познакомить сдуру. А если Экдал вдруг придумал, как ей отомстить за оскорбление? Сделает какую-нибудь гадость, он это может, а она разревётся, не выйдет на сцену...

Эндан усилием воли прекратил придумывать сценарии конца света и одним глотком допил кофе. Неудивительно, что он не мог сосредоточиться на книжке, если в голове всё это время сидела такая заноза! Он встал, бросив последний взгляд в окно, и замер: в лавку напротив заходила Алиса. Её медную голову ни с кем не перепутаешь, да и бесформенную куртку он узнал.

Бросив деньги на стол, он скатился по лестнице и выскочил на улицу – как раз вовремя, потому что Алиса уже выходила из лавки.

– Алиса-хон? – позвал он напряжённо. Что она успела натворить, что её уже выперли? Обложила продавца? Тут вам не столица, худульские клиента ни в хёр не ставят.

Она вздрогнула, обернулась и ещё раз вздрогнула, как будто вид именно Эндана её напугал. Они застыли по разные стороны пустынной улицы, словно последние фигуры на шахматной доске. Она на белом поле, припорошенном ночным снегом, а он на чёрном, под козырьком трактира.

Эндан отверг несколько формулировок вопроса – что вы сказали продавцу, что он сделал вам, кого из вас надо спасти и кто кому будет платить компенсацию за оскорбление – и остановился на самом нейтральном:

– Вам помочь с покупками?

– А... – Алиса воровато оглянулась на дверь лавки, – я хотела сувенирчик купить. Мне сказали, тут какие-то игрушки делают необычные, и что в этом магазине они есть. Но там... человек.

Эндан моргнул. Худул действительно славился подвижными деревянными статуэтками, особенно такими, что изображали персонажей легенд и баллад, и эта лавка, судя по вывеске, торговала всякой резной мелочью. Но Алиса что, за продавцом товар не увидела?

– Человек? – неуверенно повторил он.

– Да, – Алиса печально кивнула. – Живой. Я зашла, а он со мной заговорил.

– По-муданжски? – предположил Эндан. Вероятно, проблема возникла из-за языкового барьера.

– Не знаю, – Алиса задрала плечи к ушам. – Я не прислушивалась, сразу вышла. А тут нет магазинов без людей?

– Без людей? – тупо переспросил Эндан. Он чувствовал себя как будто в дурном сне, где все действуют против здравого смысла и несут чушь.

– Ну, типа берёшь с полки сама и платишь на терминале, – пояснила скрипачка. – Нет? Эндан покачал головой.

– У нас терминалов не ставят, все транзакции наличными, что не овцами. Но стадо у вас вряд ли есть.

– Нету, – согласилась Алиса так спокойно, как будто наличие стада было для неё чем-то совершенно обыденным, хотя оно и для Эндана уже давно осталось нормой только в глубинке. – А по Сети заказать нельзя? Чтобы под дверь оставили. Или не успеют прислать?

Эндан припомнил системы заказов, с которыми сталкивался на других планетах.

– Нет, у нас такого нет. Вы можете заказать по телефону, но платить всё равно надо будет наличными курьеру или ехать в магазин забирать. А в чём сложность поговорить с продавцом? Вам переводчик нужен?

Алиса уставилась на него своими прозрачными глазами, похожими на стёклышки в резном фонарике. У муданжек глаза бывали чёрные или бархатисто-карие, но непроглядные, глу-

хия. А тут насквозь душу видать. И как не боится чужому человеку в глаза смотреть, заберут же душу...

– Я же не смогу ничего выбрать, – пояснила она, но понятнее не стало. – Он будет стоять и смотреть. А то ещё и говорить что-нибудь. Я так не могу.

Уголки её губ поползли вниз, и прозрачные глаза спрятались под веками, уставившись в землю. Эндану вдруг стало душно без этого окошка в чужую душу. Слова Алисы скользнули по его сознанию, едва-едва зацепившись, так что теперь пришлось вытягивать, словно рыбину из воды. И вот тут его догнало изумление.

– Вы не хотите с чужим мужчиной разговаривать?

Алиса рьяно закивала. Вот тебе и землянка... Он даже не знал, что они такие бывают. Может, потому что монголоидная? Может, у таких ещё остались следы культуры и воспитания? Эндану приходилось общаться с самыми разными инопланетянами последние годы, но он что-то не замечал отличий в воспитании по расовому признаку, а уж на Земле так и вовсе перемешались все так, что не всегда поймёшь, какая там раса. Но с чего бы землянке быть такой скромницей? Муданжка-то не всякая постесняется, а тем более незамужняя! Однако с Энданом Алиса всё же говорила. Хотя в тот, первый раз не стала, и, как Эндан теперь припоминал, выглядело это ровно как подобает воспитанной даме, которой с детства привили хорошие манеры. Что же, она с тех пор привыкла к нему? Или...

...Или решила, что Эндан как раз и будет тем единственным мужчиной, которому она готова смотреть в глаза. И вот это уже было очень плохо.

– Да я ни с кем не хочу, – вздохнула Алиса.

– И со мной? – понадеялся Эндан.

Алиса неловко пожала плечами.

– Я растерялась. Не ожидала вас увидеть тут.

Эндан выдохнул с тем, что должно было быть облегчением, но вместо этого отчётливо разило разочарованием. Вот шакал! Нет, ну нет, пожалуйста, можно она просто отвалит обратно на свою Землю и не будет заставлять его думать о вещах, которым не суждено сбыться?! Она же даже не привлекательная – стоит тут в огромной бесформенной куртке, как в мешке, и снизу длинные тонкие ножки в джинсах торчат, ну куда это?

Тут он припомнил, как она выглядела в диле Яргуй на шёлковое платье, и прикусил щёку до крови, чтобы опомниться. Не привлекательная... Конечно, десять раз. Десять раз она ему снилась с тех пор. Боги, он ведь не мальчишка уже, и позорище, как он мог так реагировать на неё в одежде покойной жены?! Эндан хотел было пообещать себе не признаваться в этом духовнику, но тут же осознал, что Алтонгирела вообще не покоробит такое вопиющее неуважение к памяти Яргуй. Ему что одна баба, что другая... Эндану даже стесняться нечего.

– Пойдёмте в магазин, – хрипло выдавил он, пока что-нибудь не ляпнул или не выдал себя ещё как, похуже. Дублёнка, конечно, длинная, но надо её хоть запахнуть поплотнее...

Алиса посмотрела на него недоумённо, но послушно поковыляла следом на своих птичьих ножках, шагая сразу через две ступеньки. Ну вот зачем женщине такие длинные ноги? Она ими сразу начинает злоупотреблять. Да и рост в результате – Эндану по плечо. Неэстетично, непрактично. Веснушки ещё эти... Да всё вообще с ней не так! Эндан оглянулся, чтобы убедиться, что Алиса не отстала, не потерялась и не свалилась с лестницы. С неё станется! Но нет, стояла у него за спиной, глаза свои прозрачные таращила на него, как тогда, в космопорту. Как будто ждала, что сейчас Эндан щёлкнет пальцами и избавит её от всех житейских трудностей.

Придётся щёлкнуть.

Эндан толкнул дверь и вошёл.

– А! – подорвался с места лавочник. – Вы вернулись! Милости просим, милости просим, чего изволите? Игрушки резные, набивные, леплёные, детки будут весёлые-довольные! – затараторил он на смеси муданжского со всеобщим. Эндан аж спиной почувствовал, как Алиса

сжалась. – А что будет угодно красавице? Деткам-то лет сколько? Мальчик или девочка? Мальчики-то уже с отцом живут, а, гость-хон?

Эндан понял, что этому сейчас тоже предложат родить ежа, а если расспросы продолжатся, то он же сам и предложит, и поспешил прервать поток.

– Дама – музыкант из земной делегации и желает на память о поездке взять что-то, что подойдёт к её интерьеру, – строгим тоном произнёс он, сделав максимально чопорное лицо. – Извольте показать, что у вас есть из подвижных статуэток.

Лавочник всплеснул руками и принялся расписывать мастерство резчиков, поставлявших свои работы в его заведение. Статуэток у него нашлось аж два стеллажа, и, подведя покупателей к ним, лавочник встал рядом, словно декламатор на состязаниях и принялся представлять каждую игрушку, как будто они были соперниками в игровых боях. Алиса по-прежнему пряталась за спиной Эндана, но слушала с интересом и даже пару раз переспросила, когда лавочник не справился подобрать нужное слово на всеобщем – переспросила Эндана, конечно. Шёпотом, на ухо. Зараза, вот тем и плохо, когда женщина высокого роста. Привстав на цыпочки, Алиса почти дотягивалась губами до уха Эндана, и тот чуть не взвился первый раз, когда его шею пощекотало её дыхание. Нельзя же так с людьми! Ещё и ароматом её духов на него пахло – чем-то вкусным, орехи там, сладкий цитрус, а Эндан не успел дозавтракать. Нет, её всю надо было просто законодательно запретить! Хоть петицию на имя Ахмад-хона пиши.

Наконец рассказы о статуэтках у лавочника кончились, и он пошёл на второй круг, хватая их по одной и пытаясь обогнуть Эндана, чтобы подсунуть девице под нос.

– Милейший, – прорычал Эндан, сам не понимая, что его так взбесило, – покажите мне ещё... – он огляделся в поисках чего угодно, что не привело бы к разговору о детях, – ваш ассортимент гизиков.

Лавочник тут же бросил деревяшки и метнулся через зал в угол с пёстрыми плетёными шнурками. Следующие двадцать минут Эндан стоически выслушивал про узоры, пользующиеся популярностью в Худуле и окрестностях, их влиянии на удачу, интеллект и здоровье носящего, материалы, краски, жизненный путь мастеров и у кого из них недавно демон задрал овцу, а потом оказалось, что это был не демон, а соседский пёс. Эндан чувствовал себя бравым воителем, защищающим девицу от чудовища, и его от этого мутило.

Наконец, когда он уже был готов прибить проклятого торгаша, по его локтю постучали чужие пальцы. Эндан взвился и чуть не обложил спасённую девицу похуже, чем она – его брата, но всё же успел прикусить язык. Ну вот почему словами не позвать было? Зачем ему ко всем прочим бедам ещё и память о её робком прикосновении?

– Я выбрала, – тихо сообщила Алиса, сжимая в руке статуэтку охотника. Ровно такого, про каких Эндан обычно читал. Нет, он точно не переживёт сегодняшнее утро.

Зато кое-кто другой, видимо, задался целью не пережить сегодняшнюю ночь.

После концерта – Эндан всё-таки не вытерпел ещё раз весь вечер смотреть на Алису в диле Яргуй и спрятался в трактире с книжкой про результативные переговоры – похолодало, а небо расчистилось, так что над улицами Худула повисли огромные настороженные звёзды, словно пчёлы, вылетевшие из улья выяснить, кто это тут отлынивает от своих обязанностей. Эндану даже стало казаться, что от пейзажного окна веет холодом. Он пару раз подносил телефон поближе, чтобы проверить температуру, но тот показывал всё одинаково, так что сквозняк гулял только у Эндана в душе.

Переговоры с собой результата не принесли, несмотря на книжку. Эндан решил бросить это гиблое дело и пройтись перед сном. Концерт уже закончился – Эндан видел из окна, как расходились от Дома певцов зрители, вразвалочку, скрипя тонким снежком. Эндан вышел и принялся создавать ещё одну строку из чёрных следов на белом поле, стараясь не пересечь ничью чужую. Наступать в чужие следы было плохой приметой – Эндан не помнил, для тебя

или для того, кому след принадлежит, да и не очень-то верил в приметы в целом, но по привычке петлял, то заходя на обочину, то выискивая пустое местечко среди чёрных отпечатков.

Только дойдя до обрыва он понял, что бездумно устремился к тому пейзажу, который утром наблюдал из окна. Здесь дорога расщеплялась: та, что пошире, уходила вверх, почти сразу отворачивая от края в глубь верхних жилых кварталов, а та, что поуже, неторопливо спускалась по скальной стене к реке. Похоже было, что её вырубили в камне, создав прямой спуск, чтобы не ходить через западную оконечность города, где уровень понижался.

На развилке стоял фонарь, как и везде в Худуле – закон об этом вышел на второй год правления Ахмад-хона. Но вот на узкой дорожке по скальной приступке никакого освещения не было. Зачем? Это же не город, да и кому может понадобиться лезть туда потемну?

Однако одна цепочка чётких чёрных следов вела именно туда. Эндан задумчиво разглядывал её, слишком вымотанный своими переживаниями, чтобы сразу понять, что его задержало на развилке. Следы были от кроссовок, узор подошвы ему ничего не говорил. Они располагались на заметном расстоянии друг от друга, как будто человек шёл широким шагом, вот только пятка пропечаталась не везде. Бежал? Кто бы побежал вниз по горной тропке зимней ночью?

Наконец Эндан нащупал мысль, которая не давала ему покоя: следы были слишком маленькими для мужчины.

Он сам побежал по тропке, даже не успев додумать эту мысль. Ребёнок? Да, конечно, легко, какой-нибудь местный балбес, который эти горы знает, как свои бормол, и которому папаня давно не выдавал ремня, однозначно, мальчишка решил сгонять к реке на спор или, может, задумал поставить ловушку на раков, а папаня-выпивоха и отпустил, не подумав...

Эндан так и уговаривал себя, что беспокоится за маленького дурака, пока не увидел впереди огонёк, а затем не высветил телефоном... маленькую дуру.

– Алиса! – заорал он и тут же поскользнулся на заснеженных камнях. Здесь не было резинистого дорожного покрытия, которое не позволяло образовываться льду, а сапоги на Эндане вовсе не подходили для горных пробежек.

Он остановился и отдышался, чувствуя себя конченным идиотом, хуже того воображаемого мальчишки.

– Алиса!!!

Но тонкая фигурка продолжала удаляться. Сейчас на Алисе была не та мешковатая куртка, а какой-то спортивный костюм с капюшоном, но и в этом наряде её долговязую фигуру с выбившимися из-под капюшона рыжими прядями невозможно было ни с кем перепутать. И даже на расстоянии Эндан слишком хорошо видел все контуры её тела. Тела, бежавшего по скользкой скальной тропинке под снегом. Эндан глянул за край. Почти отвесный склон, жиденькие кусты, далеко внизу меж белых берегов чернеет река.

Она не оборачивалась. Эндан запоздало сообразил, что рифлёная подошва её кроссовок наверняка лучше приспособлена к беганию по горам, чем его городские сапоги. И если он тут загремит с обрыва, лучше никому не будет. Перебрав в уме несколько вариантов разумных действий – вызвать спасательный унгуц, вызвонить охранника с огнестрелом, чтоб пальнул по дорожке и привлёк внимание дурёхи, устроить салют... – он наконец сообразил самое простое.

Контакты Алисы он в своё время аккуратно сохранил в специальную группу актуальных визитёров, названную по порядковому номеру и датам пребывания. Эндан не выключил фонарь и видел, как Алиса приостановилась, потянулась к карману, потом засунула руку в капюшон.

– Аллю?

– Алиса, я кричу, а вы не оборачиваетесь, – выдохнул Эндан. Тихий, шероховатый голос скрипачки как будто развязал какой-то узел у него внутри.

– А, я в наушниках, – сказала Алиса, обернулась и помахала рукой. – А что случилось?

Эндан набрал полную грудь воздуха, собираясь высказать что-то вроде “вали отсюда к шакалам, дура, и не приближайся к обрывам больше никогда, а лучше и из дома не выходи без меня”, но последние слова заставили его задуматься и сдержаться.

– Здесь небезопасно, особенно ночью. Вам лучше вернуться в город.

– А, да? – разочарованно протянула Алиса. – А почему?

Почему, шакал побери, ночью на скользкой горной дорожке может быть опасно?! Что у этих землян в голове вообще?!

– Давайте поднимемся, и я объясню, – предложил Эндан, чуя, что разговор предстоит долгий.

– М-м... ну ладно, – неохотно ответила Алиса, положила трубку и порысила вверх по дорожке.

Эндан следил за её приближением, кусая губы и дёргаясь при каждом её нестандартном шаге, и думал о том, к какому бы знающему обратиться за отворотом.

Глава 6

Риц Нуво стоял в начале спуска с видом футбольного вратаря. Алиса прикинула, сможет ли проскользнуть у него под рукой или между ног, но решила не рисковать – дорожка узкая, а падать высоко, если что. Ладно, к этому она уже привыкла, он сам не особо общительный, да и, наверное, ему положено заблудших оркестрантов по подворотням отлавливать, вон какой угрюмый.

Муданжец молча пропустил Алису вперёд, сам посторонившись к краю. Алиса бы предпочла не проходить между ним и стеной, но спорить об этом было бы ещё напряжнее, так что она постаралась шмыгнуть поскорее. До развилки они так и дошли в молчании, и Алиса начала чувствовать себя нашкодившей школьницей в ожидании наказания.

– Я провожу вас до гостиницы, – сообщило наказание холодным тоном.

– Так я ещё не добежала, – воспротивилась Алиса. – Мне ещё сорок минут надо. А до поезда полтора часа.

Риц Нуво страдальчески вздохнул.

– Послушайте, Алиса, я понимаю, что на Земле это, наверное, в порядке вещей. Но у нас девушки не бегают по ночам по обледеневшим горным тропинкам!

– Да где обледеневшим? – нахмурилась Алиса. Не было же скользко, тут покрытие везде такое, как резиновый коврик с ворсом.

– Там, где город кончается, – будто услышав её мысли, парировал Риц Нуво.

– Ну ладно, – пожала плечами Алиса. – Побегаяю по городу. Просто тут в городах каждый встречный докапывается, куда я бегу. Или от кого. Какое им дело?

– Я вам говорю, у нас это не принято.

– И что теперь, сдохнуть от гиподинамии? – огрызнулась Алиса. – Поставили бы тогда беговую дорожку в гостинице. А так там спортзала нет, я спрашивала. И в поезде нет.

Риц Нуво поднял лицо к небу, так что его профиль подсветили звёзды. Нет, наверное, всё-таки уличные фонари.

– Вам на Муданге осталось провести четверо суток. Вы не можете до дома с этим потерпеть?

Алиса поджала губы. Ей вовсе не нужно было напоминание, сколько времени осталось до отбытия и конца её уникального тура. Через неделю она уже будет дома, папа вернётся с Тигрэна, и всё пойдёт по-старому. И этот паразитический Риц Нуво сейчас внаглую крадёт её время.

– Это запрещено законом? – уточнила она на всякий случай. Конечно, пятнадцать суток за хулиганство отложили бы возвращение домой, но в муданжскую тюрьму ей отчего-то не хотелось, да и вообще, наверняка штраф выпишут, и всё.

– Что, бегать? Нет... – растерялся Риц Нуво.

Алиса кивнула. В таком случае, её ничто не останавливало.

Быстро оглядевшись, она выбрала неширокий пустой проулок и стартанула с места. За угловым домом чуть не захлебнулась лаем собака, но Алиса уже побегала по муданжским городам и знала, что собаки тут сидят на цепях, так что бояться нечего.

– Алиса! – заорал сзади Риц Нуво. – Куда вы?! Вы вообще меня слышали?!

Алиса нащупала в кармане наушники и вставила их в уши, не сбавляя темпа. Голос у Риц Нуво был неприятно расстроенный, и она не хотела его больше слышать. Шаг за шагом по пустой дорожке, слегка припорошенной снежком, и вот уже можно любоваться смешными скруглёнными домиками и мелькающими в окнах пёстрыми силуэтами хозяев.

Внезапно на краю поля зрения что-то задвигалось. Алиса отодвинула пальцем капюшон и глянула вбок. Риц Нуво бежал рядом.

Видок у него был тот ещё: шикарная дублёнка с выжженными узорами и роскошным меховым воротником, пижонские высокие сапоги в тон с декоративными цепочками и сияющими пряжками, распущенные чёрные волосы, крылом улёгшиеся на воротник – самое то, в общем, для спортивной пробежки. Алисе даже стало его немножко жалко: взмокнет ведь и простудится. Она почти сказала ему об этом, но тут заметила, что он сам что-то говорит. Слова она не слышала, но губы у него шевелились. Такие мастерски сработанные, чётко очерченные губы, верхняя потемнее и чуть вогнутая, с глубокой ложбинкой, а нижняя посветлее и пышная, как будто перманентно надутая.

Алиса споткнулась на ровном месте и поспешно перестала смотреть на кукольные губы. Ничего, Сакуре-сану сделает ещё такой мейк, что этот обзавидуется.

Из-за поворота вырулил местный житель подшофе в золотом халате на толстой подкладке и меховых сапогах, которые выглядели, как звериные лапы. При виде Алисы житель широко махнул рукой и, наверное, что-то крикнул, но Алиса счастливо не слышала. Риц Нуво прибавил ходу и несколько шагов держался чуть впереди, загородив Алисе вид на прохожего, а потом снова притормозил, так что, оглянувшись, Алиса за ним никого не увидела. Она ещё полюбовалась, как чёрные волосы смешно подпрыгивали единой массой при каждом шаге, но вспомнила, что надо смотреть под ноги. На Риц Нуво она ещё налюбуется в поезде, когда он будет её отчитывать за эту выходку. А он, конечно, будет. И это, наверное, даже поможет скоротать время в скучном вагоне. При всей любви Алисы сныкаться в угол и не подавать признаков жизни долгие часы в одноместном купе её раздражали – у неё ведь тур, она тут ради впечатлений, а не чтобы кодить под одеялом! А так будут ей впечатления с доставкой прямо в купе.

Алисино предсказание сбылось: стоило всем разойтись по своим депозитным ячейкам, как Риц Нуво постучался в её дверь.

Большинство оркестрантов, а особенно оркестранток предпочитали мыться в гостинице, где они проводили время до концерта, а потом ужинали, то есть, по мнению Алисы, бездарно тратили свободное время. Сама она, едва выйдя из поезда в каждом новом городе, мчалась смотреть достопримечательности, список которых ей прислала Лиза, наскоро обедала чем-нибудь, ухваченным в толчее на рынке – главное было выбрать самый популярный лоток, чтобы у лотошника очередь поджимала и не было соблазна поболтать, – потом с нетерпением высививала репетицию и концерт, переодевалась в спортивное и ещё часика полтора наслаждалась пейзажами, но уже на бегу. Душевая в поезде её вполне устраивала – а чего там, помыться же просто, ну мало ли что тесно, зато чистенько и никакой очереди, все уже в гостинице перемылись.

Вот и сейчас Алиса стащила с себя мокрую куртку, уличные треники и спортивный лонгслив, оставшись в коротком топике и велосипедках, взяла пакет с пижамой, полотенцем и всякими гелями, и тут-то Риц Нуво и постучался. Ну вот ведь, сейчас она отвалит в душ, а он решит, что ему недосуг и уйдёт. Но не слушать же его потной и липкой, так и простудиться недолго.

Алиса рывком раздвинула дверь.

– Сейчас, я помоюсь, и будете ругаться, – пообещала она. – Можете тут посидеть.

Риц Нуво замер, обводя её ошеломлённым взглядом и полностью блокируя проход.

– Я быстро, – заканючила Алиса и потёрла одну ногу о другую. Риц Нуво следил за ней, как под гипнозом. – Ну пожа-алуйста.

Он вздрогнул, с усилием закрыл глаза, а когда открыл, уставился в тёмное окно, за которым даже огоньков уже не мелькало.

– Вы... в таком виде собрались по поезду расхаживать?

Алиса глянула вниз, чтобы убедиться, что ничего не порвалось. Вроде всё нормально, даже пятна пота не очень видны, ткань специальная. На Риц Нуво тоже не было видно мокрых

пятен, но и рубашка была другая, у Алисы на наряды глаз намётан. Переоделся в гостинице, значит. Ладно хоть не заболит из-за неё, надо надеяться. Жалко было бы видеть такой совершенный нос красным и распухшим. Сам Риц Нуво, кстати, достойно выдержал сорокаминутную пробежку, лёгкие потом не выкашлял, небось тоже бегают по вечерам, а ей наврал, что не принято.

– Ну... как расхаживать... – неуверенно начала она. – До душа и обратно. А что не так?

– Вы не одеты, – процедил Риц Нуво так, будто его повергала в шок необходимость произнести это вслух.

Ага, Алиса наконец поняла, в чём дело. Это опять история про открытые плечи и местные представления о приличиях.

– А в вагоне много мударжцев? – спросила она.

– Мой брат, его жена и второй переводчик, – подумав, ответил Риц Нуво и прищурился с подозрением: – Что вы задумали?

– А они собираются в душ в ближайшее время? – продолжила Алиса, проигнорировав его вопрос. Мало ли кто чего спрашивает, не отвечать же всем.

– Н-нет, – неуверенно протянул мударжец и насторожился ещё больше.

– Значит, это ваши личные проблемы, что вы не можете на меня смотреть, – пожалала плечами Алиса. – И если вы не отойдёте из проёма, мне придётся протискиваться мимо вас и, возможно, оседлать ваше бедро...

Он отлетел, как пробка из шампанского. Чуть окно на той стороне холла не пробил. Алиса удовлетворённо кивнула и отправилась в душ, но потом сообразила, что если Риц Нуво запускать, он же может не захотеть потом сидеть у неё в купе и ругаться. Поэтому через два шага она обернулась и сказала его угрюмой спине:

– Вы только меня дождитесь, а то как я лягу спать ненаказанная?

Спина, кажется, стала ещё угрюмее, но попытки удалиться по коридору не предприняла, и Алиса с чистой совестью пошла мыться.

Когда она вернулась, упакованная в огромную оверсайз пижаму, Риц Нуво сидел на выдвижном стульчике и прожигал взглядом свой телефон.

– Алиса-хон, – прожигающий взгляд обратился на неё, но конкуренцию ему составил едкий тон. – Я, конечно, понимаю, что вы подруга Хотон-хон и весь этот тур организован ради вас, но всё же у вас должны быть хоть минимальные представления о приличиях. Вы же не первый раз с Земли выехали, ну надо же понимать, что в других местах определённое поведение не принято!

– А! Какая разница, – отмахнулась Алиса, довольная, что он её дождался. – Я и на Земле веду себя, как не принято, и ничего.

– Н-но... – Риц Нуво через силу сглотнул, как будто у него в горле что-то застряло, – вы же взрослый человек... Вы же понимаете, что это может привести к конфликту...

– С кем? – Алиса уселась на кровать по-турецки и уставилась на Риц Нуво. Он очень-очень выгодно смотрелся в приглушённом освещении купе. Надо будет фотосессию такую замутить. – Моё неадекватное поведение замечаете только вы. И возбуждает оно только вас.

Даже в тусклом свете лицо мужика потемнело, и Алиса немного забеспокоилась: иногда она умудрялась сказать что-нибудь настолько обидное, что люди начинали вести себя агрессивно. Ну да ничего, она успеет выскочить из купе и запереться в душевой, если что, не привыкать.

– Вы ошибаетесь, – прошипел он, почему-то пряча глаза, а потом дважды пересел на своём стульчике, нервно расправляя подол длинной рубашки. А какая на ней тесьма! Вот бы прикупить здесь такой...

– Ну почему ошибаюсь? Кроме вас, до меня никому дела нет, – сказала она и внезапно поняла, что это правда. Она не могла припомнить, когда последний раз её кто-то ругал за

неприличные выходки. Брат, наверное, да и то ещё когда жил дома. А с тех пор Алиса встречала только молчаливое разочарование.

Это было странное чувство. Она почему-то вспомнила сказку, где Ивану-дураку предлагалось выбрать из дюжин клонированных красавиц настоящую. Алиса чувствовала себя так, как будто выбрали её, а настоящая – кто-то ещё, и сейчас Иван-дурак догадается, как облажался. Вон как лицо трёт и отворачивается, уже начал догадываться наверняка. Как бы его отвлечь? Может, ещё чуть-чуть поверил бы, что выбрал правильную?..

– Мне до других тоже дела нет, – выпалила Алиса первое, что пришло в голову. И это в общем тоже было правдой, но вряд ли удержало бы внимание Риц Нуво надолго. Чего он там хотел? Приличного поведения? – Но я обещаю, что больше ни с кем не буду себя неприлично вести, – заверила она. – Никто кроме вас меня без штанов не увидит! Идёт?

Риц Нуво посопел немного, но в итоге сдался:

– Идёт.

Голос у него был хриловатым, уж не простыл ли всё-таки? Алиса огляделась и быстро залила два пакетика имбирного чая кипятком из кранчика над столом, благо для этого не надо было вставать с кровати. Готовый напиток она подсунула муданжцу, чем, кажется, его напугала, во всяком случае, он сразу покосился на дверь, как будто подумывал сбежать. Алиса снова огляделась в поисках ещё какого-нибудь способа его отвлечь. Из сумки с чаем выглядывала коробка с деревянной куклой, которую Риц Нуво помог ей купить сегодня утром. И тут её осенило.

– Помогите мне его назвать, – попросила она, поспешно вытаскивая коробку. Так поспешно, что приложенная визитка помялась, а ленточка сорвалась с одного угла, ну да что за беда.

– Назвать? – недоумённо переспросил муданжец.

– Ага, – Алиса закивала так, что в голове зашумело, и наконец выколупала куклу из слишком надёжной упаковки. Кукла была весьма неплохая, особенно за те деньги, что Алиса заплатила. Конечно, шарниры у неё были только в плечах и бёдрах, но положение конечностей естественное, позировать на камеру сможет, и одежда вся съёмная из красивых, со вкусом подобранных тканей. Лицом персонаж был ну прямо Гайавата и нравился Алисе безмерно. – Какие у муданжцев имена бывают?

Риц Нуво всё ещё ничего не понимал.

– Бывают? Что значит бывают?

– Ну, какие имена часто встречаются? – нетерпеливо пояснила Алиса. Что это он вдруг, простое же слово, а всеобщий у него очень гладкий. – У ваших друзей какие имена?

– В основном гласные, – всё так же озадаченно ответил муданжец.

Тут уже Алиса растерялась. Какие ещё гласные? Может, она чего-то не знает про это слово на всеобщем? Так, ладно.

– Хорошо, вас как зовут?

Его взгляд не стал ни яснее, ни дружелюбнее.

– Я не обязан вам этого говорить.

Ого. Да тут кое-кто без проблем грубит похлеще, чем сама Алиса. Ну что ж, родственная душа. А туда же, приличия ему подавай. Алиса утешительно похлопала его по коленке, отчего Риц Нуво отшатнулся так, что чуть не отломал выдвижной стульчик от стены.

– Ладно, не хотите, не говорите. Но вот, например, брата вашего как зовут?

Риц Нуво продолжал возмущённо молчать, и Алиса сдалась. Ну что он, как девица на первой в жизни дискотеке?

– Пёс с ним, не хотите мне даже брата сдать, так придумайте имя кукле! Мне же надо его как-то называть!

Брови Риц Нуво поползли вверх.

– Имя? Кукле? Что за бред?! Имена дают только людям!

– Ладно, – Алиса демонстративно сложила руки на груди. – Тогда я назову его вашим именем! Мне же Лиза говорила... Сейчас припомню!

У муданжца, кажется, лицевые мышцы свело, вон как оскалился. Алиса привычно просчитала траекторию до вылета за дверь и перенесла вес на другую ногу.

– Не вздумайте! – выдавил наконец Риц Нуво. – Одно имя может быть только у одного ныне живущего человека! Проклинать должностных лиц – подсудное дело! И давать имена могут только Старейшины, и уж никак не куклам!

– Точно! Ясень! Вы Ясень, – перебила Алиса, пропустившая тираду мимо ушей. Проклинать? Старейшины? О чём он?

Он выдохнул так глубоко, что весь сдулся, даже лицо обмякло.

– Это прозвище, – сказал он наконец. – У нас не принято всем подряд называть настоящие имена.

– О! – обрадовалась Алиса, поняв, что её не послали подальше. Так ведь разбалует, чёртова кукла! – А в документах что пишут? Имя или прозвище?

Ясень скривился.

– Это предмет яростных дебатов. Смотря в каких документах. В тех, что используются на других планетах – прозвища. У нас... по-разному.

Он задумчиво отхлебнул имбирного чаю, подумал и отхлебнул ещё. Алиса заёрзала на месте от радости: может, ещё посидит!

– А как прозвище вашего брата?

– Явор. Это... – он словил её пустой взгляд, – тоже дерево.

– О, так можно брать названия растений? – воодушевилась Алиса, уже прикидывая, что бы такое выбрать поэкзотичнее, но тут её осенило кое-что другое: – А вы ведь моё имя знаете!

Ясень кивнул.

– У землян другие порядки, с ними бывает неловко, если по имени не обращаться.

– А что это значит для вас? – заинтересовалась Алиса. – То, что вы знаете моё имя, что это значит?

Он неловко развёл руками, чуть не расплескав чай.

– Если бы вы были муданжкой и сказали мне своё имя сами, это бы значило, что вы мне доверяете.

Алиса подалась вперёд, наполовину свесившись с кровати, чтобы получше рассмотреть лицо муданжца, а то лампочки в купе постепенно тускнели к ночи. Грудь стало прохладно – просторная пижамная рубашка провисла, так что под неё влетел сквознячок. Ясень поспешно поднял взгляд выше ватерлинии.

– А давайте так, – заговорщицки прошептала Алиса, – раз моё имя вы уже знаете, то вместо этого придумайте мне прозвище. Какое я дерево?

Ясень с лицом мученика окинул быстрым взглядом её всю, снова уставился на лицо и всё же невольно нырнул глазами пониже, прежде чем пристыжённо отвернуться.

– Рябинка.

Алиса только собралась как-то отреагировать, как вдруг он вскочил.

– Извините, уже поздно, я вам мешаю, вы так не выспитесь. Спокойной ночи.

И испарился из купе.

Алиса откинулась на мягкую спинку и со всей дури врезала по ней локтем. Понял всё-таки, что она не взаимвадшняя. А вот больно было по-настоящему.

Глава 7

– Где эта оторва пропадает? – Экдал стоял посреди закулисного коридора Дома певцов в Сирии, держа в руке плетённый короб с обедом. У музыкантов были всякие хитрые требования к пище перед концертом, так что трактирам Эндан это не доверял, а заказывал заранее у проверенных людей. – Её паёк последний остался.

– Она ушла гулять, – меланхолично ответил Эндан. Он сидел с ногами в кресле из тростника и бессмысленно обновлял рабочий чат, в котором не было новых сообщений.

– Ну так пора уже возвращаться, сейчас обед кончится – и надо будет переодеться и всё такое.

Эндан кивнул и ничего не сказал.

– Ну чего ты сидишь? – начал кипятиться Экдал. – Она сейчас опоздает, сорвёт тебе весь концерт. Сирияне придиричivéе же, сам говорил, худшая публика из всех городов. Пошёл бы нашёл её и приволок за ухо!

– Тебе надо, ты и иди, – всё так же ровно отвечал Эндан. Рабочий чат по-прежнему молчал, поэтому он пошёл теперь обновлять чат с хохмами, где со вчера висела печальная шутка про парня, которого не приняли в учение на целителя, потому что он мужчина, дескать, женится и бросит работу. Эндан принципиально не ставил шутке положительную отметку, но теперь ему начало казаться, что ни один чат не обновится, пока он этого не сделает.

– В смысле как это – мне надо? – фыркнул Экдал. – Это твоя работа, вообще-то, я просто помогаю, чтобы ты пораньше освободился и мы могли пойти сами причаститься местных деликатесов.

– Ну если Ахмад-хон меня за это уволит, так тому и быть, – уныло заключил Эндан и наконец усилием воли оторвал себя от телефона. – Я к ней больше приближаться не собираюсь. Насладился, спасибо. Жила она как-то все эти годы и концерты не срывала, я проверял.

Экдал поставил короб на журнальный столик и присел рядом с братом.

– Ты что-то последнюю волю к жизни растерял, – озабоченно сказал он. – Что-то случилось, о чём я не знаю?

Эндан пожал плечами. Что у него могло случиться?

– В моей жизни, дорогой брат, ничего не случается. Просто меняются сезоны, а я становлюсь старше.

Экдал подвигал желваками – обычно он так делал, когда хотел кому-нибудь двинуть, но вряд ли же он бы стал бить Эндана?

– Ты занимаешься тем, что возишь Ахмад-хона по другим планетам и невменяемых инопланетных гастролёров по Мудангу. Как при этом может ничего не случаться? Я вожу одну только свою жену, и то у нас каждый день не вулкан, так торнадо, а где не стачка работников космопорта, там митинг каких-нибудь религиозных пуритов. Тебя какой бог так по голове погладил, что у тебя всё гладко?

Эндан пожал плечами.

– У нас тоже не метеорит, так наводнение, исполнители в женские клубы вламываются и показывают Старейшинам неприличные жесты. Ну и что? Это не со мной случается. Это просто работа.

– Если это – просто работа, мне страшно подумать, что должно случиться, чтобы ты это отметил. Ты на фронт хочешь? В миротворческие войска? У нас на Иморее сейчас активные действия под эгидой ЗС, если хочешь, могу тебя туда пристроить.

– Я там был, – отмахнулся Эндан. – С дипломатической миссией. Там наша армия сидит по одну сторону гор, а местные повстанцы – по другую, пока верхи перетирают, кому чего сколько отстегнуть.

– А ты хочешь прямо под огонь? – уточнил Экдал, и лицо его стало ещё более трагичным, чем обычно.

– Нет, – со вздохом успокоил его Эндан. – Не хочу. Это всё не важно. У меня нормальная работа, я прилично зарабатываю и ничего не хочу.

– Врёшь ты посредственно, – покачал головой Экдал. – Особенно для дипломата.

Он собирался ещё что-то сказать, но тут дверь в конце коридора распахнулась, и в неё ворвалась Алиса. Она промчалась мимо, натоптав с кроссовок целый сугроб на паркет, и скрылась в гримёрке.

Экдал поднял со столика короб и покачал им перед лицом Эндана.

– Иди отнеси ей обед.

– Не пойду, – невозмутимо ответил Эндан, глядя в одну точку. – Она там голая.

Экдал недоверчиво покосился на дверь.

– Гримёрка же общая!

– Земляне, – пожал плечами Эндан.

Экдал прищурил глаза.

– А ты откуда знаешь, что она там голая? Повидал её уже по-всякому?

Эндан поднял на него страдальческий взгляд, зная, что сам сейчас выглядит, как герой древней баллады.

– Я зарабатываю тем, что вожу по Мудангу невменяемых инопланетных гастролёров.

Дверь гримёрки приоткрылась, и оттуда выскользнула Эсарнай – эта женщина в совершенстве овладела искусством ходить плавно, как лодочка по зеркальному озеру. Лицо Экдала тут же преобразилось, около глаз появились весёлые морщинки, щёки округлились и даже подбородок как будто поквadratнел.

– Рыбонька!

– Что, мой жеребчик? – проворковала Эсарнай, вогнав мужа в краску.

Эндана затошнило.

– Там госпожа с Земли переодевается, да? – спросил Экдал.

Эсарнай приподняла бровь и присела на подлокотник его кресла – как пить дать переняла эту манеру у Хотон-хон!

– С чего это моего сладкого барсика интересуют переодевающиеся госпожи?

Экдал расплылся в широченной улыбке – до знакомства с Эсарнай у него таких мышц на лице не было!

– Не интересуют, – он снова приподнял короб. – Ей надо обед передать, а мы с братом опасаемся. Выручишь?

– Я бы с радостью, – приторно улыбнулась Эсарнай, – но там ещё и двое мужчин переодеваются, я потому и ушла.

Эндан понял, что сейчас взорвётся. Эта маленькая дура там – с двумя мужиками! Он понятия не имел, что ему с того, но между её крошечным бесстыдством и сахарным заводом, который возвели тут в холле брат с женой, Эндан больше не мог терпеть. Обложили со всех сторон!

Он рывком встал, выдернул у Экдала из руки короб и ворвался в гримёрку. Сощурившись, чтобы не очень чётко различать детали сквозь ресницы, он заметил тонкую фигуру, сияющую светло-розовой кожей – слишком большим простором светло-розовой кожи, и, отвернувшись, ткнул в её сторону короб.

– Обед, – выдавил он сквозь зубы.

– А! – удивилась Алиса. – А я ела уже.

– Опять жареных беляшей каких-то нарубалась? – проворчал из глубины комнаты мужской голос. – Смотри, если брюхо прихватит посреди выступления, больше никуда не поедешь.

– Я и так не поеду, – огрызнулась Алиса и выругалась под нос. – Этот... э, Ясень, а вы мне не поможете молнию застегнуть?

– Нет, – рявкнул Эндан, шваркнул короб на подзеркальный стол и вымелся прочь.

В коридоре он чуть не снёс переводчика, который что-то узнавал у директора Дома певцов и теперь мчался передать это директору оркестра.

– О, Ясень-хон, нам воду не подвезли, надо бы купить в городе, пока лавки открыты, а то музыкантам же надо...

– Да пускай передохнут все! – рыкнул Эндан и напрямик прошагал на улицу. Нет, ехать с этим оркестром в тур было очень плохой идеей.

Ясень её избегал. Алисе не пришлось прилагать никаких усилий, чтобы это заметить: она прекрасно знала, как это выглядит. Её избегала куча народа, и обычно Алису это полностью устраивало. А вот теперь почему-то было обидно. Она его даже не обматерила ни разу и на пальцы ему не наступала. Ну вот как он прознал, что она ненастоящая? Кто-то из оркестра, может, предупредил?

Она бы и хотела надеяться на такой вариант, да только внутренний голос подсказывал: сама ты, сама его отпугнула, никто не помогал. Потому что у тебя папа и куклы, ненавистная скрипка и тайное программирование. Потому что нормальные люди так не живут, а ненормальным людям не достаются мужики со внешностью Риц Нуво. Он таких, как ты, лопатами гребёт, у тебя не было шансов...

Все эти рациональные соображения не мешали, а скорее способствовали тому, что в Долхоте Алиса не столько смотрела по сторонам, сколько прикидывала, дошла она уже до кондиции, чтобы выпить в местном трактире, или страх пока ещё побеждал. В итоге, обойдя весь город, так и не рискнула зайти ни в одно заведение – там же будут люди, с ними же придётся разговаривать, и это ещё хорошо, если они на всеобщем не понимают, а вдруг понимают? У неё же ни малейшего представления, что им говорить, как тут вообще принято заказывать выпивку, какой есть выбор и как платить. И в Сети ни у кого меню нет!

В общем, к концерту Алиса приплелась в паршивом настроении. В Долхоте оркестр должен был задержаться ещё на день, потому что это самый туристический город с музеем и сувенирными лавками, а потом им предстояло вернуться в столицу, отыграть там последний концерт и ку-ку. При мысли об этом ку-ку у Алисы начинался нервный тик на диафрагме. В поезде из Сирия она не спала – сначала ждала, не зайдёт ли Ясень ещё за что-нибудь её поругать, а потом, когда окончательно утвердилась в мысли, что ему до неё дела нет, остаток ночи провела в бешеном кружении мыслей о том, какая она неудачница, какая нелепая у неё жизнь и как поздно уже с этим что-то делать.

В итоге во время концерта она разок чуть не проспала свою партию. Бах её всегда усыплял, а тут ещё – пилишь струны и думаешь, а может, попросить политического убежища? Только она без понятия, как это делают, да и как ей тут жить? И на какие? Вот бы ей стать свидетелем какого-нибудь страшного преступления и попасть в программу защиты свидетелей. Ей бы тогда дали новое имя и новую жизнь. Хотя папа бы, наверное, всё равно её нашёл. Вот бы сгинуть, как брат, чтобы восемь лет ни слуху ни духу. Она бы поменялась с ним местами хоть прям сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.